

александр
рубцов

НАРЦИСС В БРОНЕ

психоидеология
грандиозного Я
в политике
и власти

Александр Вадимович Рубцов

Нарцисс в броне.

Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63720702

*Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти. / Рубцов А.В.: Прогресс-Традиция; Москва; 2020
ISBN 978-5-89826-585-4*

Аннотация

Книга посвящена принципиально новой для нас теме политического нарциссизма. Явление, многим кажущееся знакомым и достаточно маргинальным, оборачивается одной из фундаментальных проблем всего нашего времени – эпидемией нарциссизма и династий нарциссов, «чумой XXI века» и психологическим ядром постмодерна. В политике это проблема отнюдь не только злокачественной патологии лидеров. Это и массовые расстройства фиксации на грандиозности и всемогущественности политического целого. Нарциссизм компенсирует бытовые комплексы, но при этом отвлекает от решения реальных проблем. То, что в людях мы воспринимаем лишь как забавную и в целом безобидную черту характера, в психоистории чревато масштабными трагедиями.

Нарциссическое самолюбование целых стран сопровождается развалом базовых систем жизнеобеспечения: экономики, технологий, инфраструктуры. Связь нарциссизма с влечением к смерти не придумана философами, и смерть Нарцисса от голода – не случайная деталь красивого мифа.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Содержание

Почти пролог	9
Предисловие	18
Ведение	24
Дважды герой: структура мифа и патологии	33
Два вождя, три эпидемии	46
Диагностика бессубъектного	60
Раздел первый	70
Опыт психоанализа	70
Краткая история болезни	81
Границы нормы	91
Трудное детство	101
Триумф пустоты	112
Восстание низа	123
Очень нечеловеческие отношения	135
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Александр Рубцов Нарцисс в броне. Психоидеология грандиозного Я в политике и власти

С того самого дня, когда человек впервые произносит «я», он везде, где нужно, выдвигает возлюбленного себя и эгоизм его неудержимо стремится вперед.

Кант

Памяти

Бориса Юдина

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН

Рекомендовано к печати

Ученым советом Института философии РАН

Рецензенты:

чл. – корр. РАН, доктор философских наук | Миронов
В. В. |, доктор философских наук Апресян Р.Г.

На переплете: Микеланджело Меризи де Караваджо
«Нарцисс у ручья»

Нарцисс в броне. Психоидеология «грандиозного Я» в политике и власти. / **Рубцов А.В.** – М.: Прогресс-Традиция, 2020

© Рубцов А.В., автор, 2019

© Асмолов А.Г., пролог, 2019

© Рубцов А.В., оформление, 2020

© Прогресс-Традиция, 2020

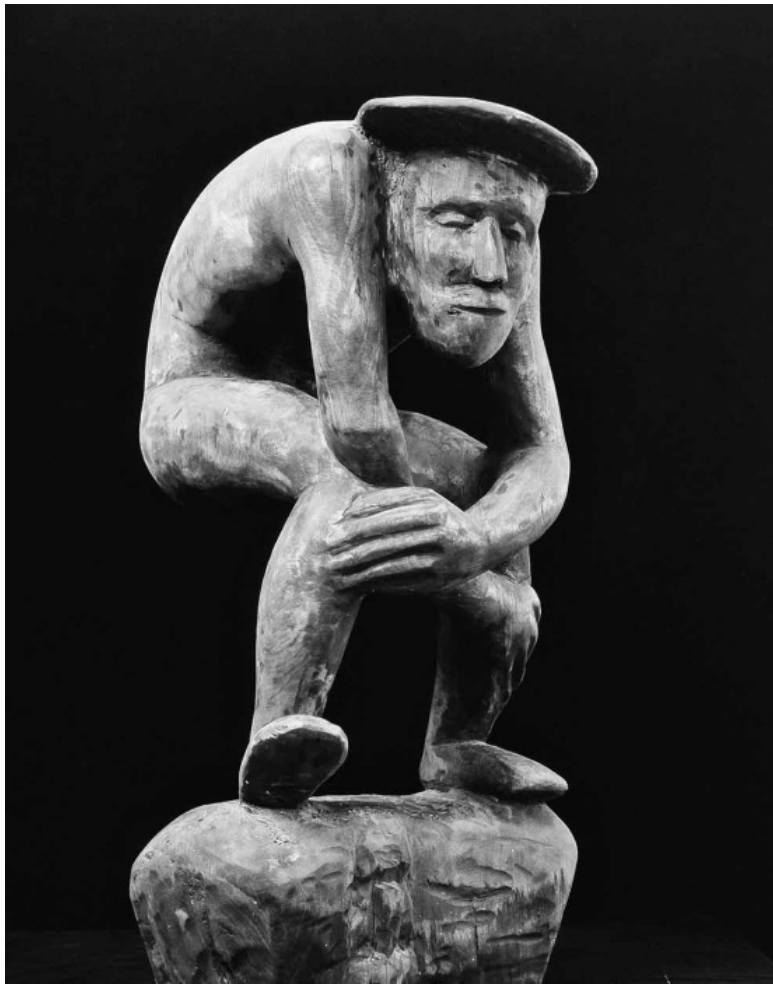
Почти пролог Политическая персонология власти

(А.Г. АСМОЛОВ)

«Чем вы меня сегодня удивите?» – этим вышибающим сознание из седла вопросом Константин Сергеевич Станиславский открывал репетиции. Можно ли ныне чем-либо удивить зрителей, актеров и режиссеров в театре политической жизни России? И кому суждено заслужить на сцене этого театра несуществующий приз «Мастер политической аналитики»? Не сталкивая меж собой достойных экспертов, замечу лишь, что их не только совсем не много (я, конечно, имею в виду профессиональных аналитиков, а не «коленопреклонников» в стиле первого министра пьесы Евгения Шварца «Голый король»), но их и в принципе не может быть много. Ведь только мастера могут овладеть ремеслом диагностической и психотерапевтической работы препарирования поведения разных «политических тел».

Среди этих мастеров, на мой взгляд, по праву занимает особое место философ, публицист, аналитик мотивации политического и идеологического поведения Александр Рубцов. Когда еще не оперившаяся область исследования на гра-

ницах политологии, социологии, психологии и философии только рождается, трудно с точностью подыскать этому новорожденному ребенку имя. Мне то хочется назвать ремесло Александра Рубцова психоидеологией, то, вспоминая нарциссическую формулу Людовика XIV: «государство — это Я», наделить его именем «политическая персонология власти».

Лазарь Гадаев. Нарцисс, 1979 (фрагмент)

По гамбургскому счету направление исследований Александра Рубцова, выполненное на границах разных наук и интеллектуальных практик, можно было бы обозначить и как аналитическую психоидеологию, и как политическую персониологию власти.

При включении этого направления исследований в контекст набегов философов, политологов, социологов, психологов и антропологов на территорию политического поведения в сознании всплывают самые различные ассоциативные ряды. Говоря об интеллектуальном стиле Александра Рубцова, у меня, в силу оптики своей собственной профессии, прежде всего возникает устойчивая ассоциация с концепцией «архетипов коллективного бессознательного», которую нам подарила аналитическая психология Карла Юнга.

Не могу, читая и перечитывая произведение Александра Рубцова, избавиться и от ассоциации с монографией тридцатых годов прошлого века достойной ученицы Зигмунда Фрейда Карен Хорни «Невротик нашего времени», в которой исключительно точно описан путь к нарциссизму как путь, в котором происходит трагичная подмена самореализации личности самоидеализацией, достигающей невиданных высот. Яркой демонстрацией нарциссической самоидеализации личности может послужить изречение короля Лилипутии из старого фильма «Новый Гулливер»:

— Мы — велики

Мы – могучи.
Больше солнца,
Больше тучи!

Как только в фокусе внимания оказывается подобная многоликая феноменология нарциссизма, то, конечно же, не обойтись и без хрестоматийных отсылок к классическим трудам Зигмунда Фрейда и Анны Фрейд, а также ярким исследованиям нарциссизма в стилистике гуманистического психоанализа Эриха Фромма.

Но ближе всего по духу к аналитической психоидеологии и политической персонологии власти Александра Рубцова богатейшая панорама работ по психоистории – от открывателя жанра психоистории Эриха Эриксона до одного из неутомимых конструкторов психоистории как особого направления американского историка Ллойда де Моза. Именно перу Ллойда де Моза принадлежит емкое определение *психоистории как науки об исторических мотивациях*. Именно Ллойд де Моз обронил почти ставшую мемом шокирующую фразу: «Только открыв Гитлера в себе, мы сможем понять Гитлера». В нашей картине мира эта тяжелая работа с сознанием передается метафорой из фильма М. Захарова «Убить дракона».

В аналитической психоидеологии Александра Рубцова в век, эпатажно называемый «веком нарциссизма», явно или неявно сочетаются и психоисторический метод анализа

групповых фантазий, восходящий своими истоками к работам Э. Эриксона и Л. Де Моза; и технология «психологического рентгена», не подводящая Эриха Фромма при исторической диагностике различных психотипов деструктивного стиля поведения пантеона лидеров авторитарной и тоталитарной власти.

Порой вглядываясь в такие изоощренные защитные механизмы поведения власти, как описанная Э. Фроммом некрофилическая природа мотивации и характера Гитлера, возникает соблазн пометить подобное поведение стигмой «патологическое», поставить сложнейшим феноменам психосоциальной и политической жизни клинический диагноз.

Тут для избегания этого соблазна позволю специально акцентировать внимание на важном «гиппократовском правиле» для психоидеолога и психоисторика: «Никогда не списывай мерзость нормы за счет патологии». Это правило, сформулированное еще в двадцатых годах XX века немецким психиатром и неврологом Освальдом Бумке в его исследовании «Культура и вырождение» (1925), – правило на все времена.

Идентифицируя поведение власти как патологию, болезнь, нарушение психического и социального здоровья, мы, порой сами того не замечая, не просто ошибаемся и упрощаем реальность. Мы рискуем, списывая мерзость нормы за счет патологии, совершить более тяжкий грех – грех идеологической и психологической индульгенции власти, неявно

оправдывая через отсылку к патологии ее поступки и проступки. Стоит ли, например, видя неподдающееся человеческому пониманию то или иное деструктивное проявление «государственного садизма», убаюкивать свое сознание, милостиво приговаривая «с больного что возьмешь». Не потому ли куда легче то или иное общество назвать вслед за Абрахамом Маслоу «больным», а не «фанатичным». Поэтому я то и дело как заклинание повторяю предостережение: «Не рядите фанатиков в безумцы».

Чрезвычайно важно, что в своей аналитической психоидеологии и политической персонологии нарциссизма Александр Рубцов, занимаясь диагностикой исторической мотивации политического поведения, старается оставаться на территории изучения «нарцисса в броне» как самой что ни есть полноценной нормы, т. е. феномена обыденной идеологической и социальной жизни, а не клинического пограничного расстройства личности (см. об этом, например, скрупулезное исследование патологического нарциссизма в клинической психологии личности и психотерапии Е.Т. Соколовой, Е.Е. Чечелницкой «Психология нарциссизма», 2001).

Поэтому встречающаяся в богатом образами и метафорами исследовании Александра Рубцова клиническая стилистика выступает скорее как своего рода социальная рискология, в которой термины «психопатология власти», «история болезни», «эпидемия» и т. п. – условные знаки, «идолы рисков расчеловечивания», «обезличивания», трансформации

людей в нелюдей, а не навешивание клинических ярлыков на сложнейшие историко-культурные феномены политического поведения.

Среди широкого веера метафор, к которым в ходе своего скрупулезного препарирования политического и идеологического поведения прибегает Александр Рубцов, одна метафора несет для меня особую ценность, особый, как бы заметил мой учитель психолог Алексей Николаевич Леонтьев, – личностный смысл. Эта метафора – «Ноль нарциссизма». В произведении «Нарцисс в броне» метафора «ноль нарциссизм» звучит как ценностный диссонанс (прошу не путать с когнитивным диссонансом Леона Фестингера) по отношению к любым проявлениями политической персонологии власти. Она – символ иной системы отсчета в жизни общества, символ несгибаемого в самые бесчеловечные времена «человеческого измерения». Ноль нарциссизма – это знак жизненного пути этика, антрополога и философа, Бориса Григорьевича Юдина. Еще раз подчеркну, что метафора «ноль нарциссизма» – емкое обозначение совершенно особого «человеческого измерения», измерения, говоря языком Антуана Сент-Экзюпери, «Планеты людей», а не планеты «нарциссов в броне», «авторитарных личностей», о которых повествует Александр Рубцов.

Борис Юдин был и остается в нашей памяти носителем аксиоматики достоинства, жителем Планеты людей и инопланетянином по отношению к планетам, на которых в про-

изведениях Франца Кафки, Джорджа Оруэлла, Андрея Платонова, Евгения Замятина, Владимира Тендрякова («Люди-нелюди») обитают «нарциссы в броне».

Посвящение, по сути, первого в жанре политической персонологии власти и психоидеологии труда памяти человека с Планеты людей Борису Юдину – это горизонт надежды на то, что наше общество, сколько бы препятствий ни стояло на его пути, сумеет пройти дорогу от безликой утилитарной культуры полезности к культуре достоинства, дорогу, по которой шел рыцарь культуры достоинства Борис Юдин, человек планеты людей с «нолем нарциссизма».

Надеюсь и верю, что произведение Александра Рубцова выполнит и свою психотерапевтическую сверхзадачу – поможет справиться с драконом нарциссизма, живущим в каждом из нас.

Предисловие

Работа над этой темой была начата серией статей, публиковавшихся в журнале «Форбс» в 2016–2017 годах под общей рубрикой «Политический нарциссизм в России». Со стороны журнала это был почти подвиг: не всякое элитное издание выдержит такой затяжной цикл на тему, нелицеприятную для власти, щекотливую для лиц и режима и при этом сильно отягощенную экскурсами в психопатологию и психоанализ, в философию сознания и общую теорию политического.

Однако при всей нагруженности наукой цикл получился все же достаточно журнальный и читаемый, и это отчасти понятно. К сравнительно доступной психологии с философическим уклоном у нас расположены не только среднеарифметические гуманитарии и самодеятельные интеллектуалы, но и нормальный обыватель. Это позволяет и в обычных изданиях щеголять словами и цитатами из трудных текстов, не опасаясь, что читать просто не станут. Погружаясь в специальный язык с его особыми глубинами и красотами, не чуждый здоровому нарциссизму человек «физически» ощущает, как он возвышается умом и духом и как чтение умной литературы сокращает ему опыты быстротекущей жизни.

Тем более живо интересуют публику разного рода расстройства личности, как и все «про психов». Попутно это

раскрывает что-то в самом человеке, в его отношении к себе и другим – и это тот случай, когда самолечение не всегда противопоказано. Но с особой силой вся эта тематика интригует в связи с властью, политикой, а более всего – в связи с конкретными политиками, живыми и мертвыми. В октябре 2018 года на сайте «Радио Свобода» были опубликованы материалы пресс-конференции американского психиатра, профессора Калифорнийского университета Джеймса Фэллона, изучающего диктаторов и выдающихся преступников. Материал, называвшийся «“Он не способен сочувствовать”. Путин глазами психиатра», мгновенно набрал более пяти с половиной тысяч репостов в Фейсбуке, что много, если кто понимает.

После безвременного прекращения цикла в «Форбс» публикация такого рода материалов была продолжена в других массовых изданиях. Эти статьи составили второй и третий разделы нашей книги. Задним числом создается впечатление, что «по касательной» я уже давно только и писал о политическом нарциссизме в России – даже когда еще не начинал этой темой заниматься специально.

Наконец, работы, так или иначе затрагивающие тему политического нарциссизма, были опубликованы и в профессиональных изданиях – в электронном журнале VOX, в «Философском журнале», в «Вопросах философии». Это четвертый раздел книги. И в заключение раздела отдельный текст о проблеме «ноля нарциссизма», напечатанный в журнале

«Человек».

Сборка всех этих крайне разноплановых и разноформатных текстов может показаться несколько сумбурной. Позже мы еще вернемся к теме антиуниверсализма и деконструктивизма, политической и социальной прагматики, языковых и смысловых игр, их поэтики, иронии, образности и метафорики. Здесь же, в «Предисловии», все это важно только для оправдания жанра публикаций. Почему в самой работе над темой вначале был «Форбс», а не «Вопросы философии», «Философский журнал» или академическая монография для специалистов? С точки зрения публикабельности это было бы проще, к тому же концептуальная публицистика отнимает в три-четыре раза больше времени и сил по сравнению с собственно наукой (если замерять удельную энергетику письма). В массовой периодике приходится отдельно работать над скоростью текста – его темпом и ритмом, доступностью и «интересностью», резать по живому, втискиваясь в формат болезненными сокращениями вплоть до счета знаков и с заменой длинных слов на короткие. Но если понимать философскую работу не только как саморазвитие идей, но и как характерное для постмодерна «смазывание поверхностей» в реальной жизни (Ричард Рорти), оно того стоит.

Цикл в «Форбс» задумывался как единый проект – но не в ущерб самостоятельности каждой статьи. Это не мыльная опера, а именно сериал: в каждом выпуске есть сюжет, начало и конец. Иногда приходилось подвязываться к текущему

моменту, что вносило случайные повороты в развитие темы. Тем не менее, собирая книгу, нет желания спрямлять общую логику ближе к монографии. Текст с такими задачами и адресатом вполне читается отдельными блоками, с любого места, а не как линейный трактат (привет от «Тысячи плато» Делеза и Гваттари). В таком дискретном письме возможны разрывы и ответвления с перепадами общности и чуть ли не жанра, но это меньшее из зол. Когда сводятся публикации из разных ресурсов, иногда приходится терпеть даже прямые повторы.

Эти особенности формата распространяются и на другие разделы книги. Поэтому, в частности, здесь много повторов, которые, тем не менее, не хочется снимать, поскольку часто одно и то же необходимо в разных местах общего текста, понимаемого в известном смысле и как гипертекст – хотя и линейный, поскольку в бумаге. Я их не убирал сознательно, в том числе чтобы был виден общий фронт борьбы за концепцию и тему.

Книга может показаться местами излишне напористой. Ощущение повышенного давления на читателя тоже объяснимо: заряд каждой статьи рассчитывается на отдельный выстрел, это не очередь и не залп. О подобном эффекте мы говорили с Андреем Теслей на обсуждении в «Фаланстере» его новых изданий Герцена: читая такие задним числом собранные книги (например, «Былое и думы»), важно учитывать, что в реальной жизни были паузы между публикациями

– передышки суггестии. Это тем более важно в связи с особыми сложностями в терапии нарциссизма, обусловленными закрытостью этого типа сознания и бессознательного при полном включении «брони характера» (Вильгельм Райх) – от виртуальных защит до мышечного зажима. Давить на психику нарцисса – только портить и без того совершенный, законченный комплекс.

Книжный размер позволил вернуть отдельные технические и конъюнктурные сокращения, кое-что дополнить. «Введение» вылилось в целый раздел с объяснением и самого феномена политического нарциссизма, и сути подхода – письма и сборки. Таким образом, эта книга не просто склейка ранее опубликованного – даже с включением статей, продолживших тему в других изданиях.

Иногда в угоду публицистичности приходилось жертвовать научной строгостью и даже объективизмом. В этом отношении меня поддерживает высказывание Д. Ранкур-Лаферриера о его исследовании нарциссизма Сталина: «Я пошел по пути наименьшей беспристрастности, которая для психоаналитика является важнейшим способом толкования личности [...] Короче, я хорошо провел время». Нарциссизм, особенно в политике, вообще такой предмет, что здесь можно просто погибнуть без изрядной доли иронии, а тем более самоиронии.

Есть надежда, что многие недостатки и лакуны можно будет минимизировать в следующем томе данного исследова-

ния, более посвященном весьма неординарным возможностям и техникам анализа и терапии в области политического нарциссизма.

Выражаю искреннюю благодарность всем друзьям и коллегам, участвовавшим в обсуждении рукописей, публикаций, докладов и лекций по данной теме. Книга посвящена памяти Бориса Юдина, ближайшего друга, с которым многое оговаривалось в работе, но еще больше обсудить не удалось.

В том, что получилось, трудно переоценить издательскую упертость и одновременно деликатную работу Ольги Проскурниной, моего бывшего редактора из «Форбс», по совместительству резидента Франции по кальвадосу. От всей души благодарю Александра Асмолова за советы, вводную заметку, идейное, морально-политическое и практическое содействие в издании.

Ведение

Между мифом и анализом

*Даже и после – уже в обители принят Аида -
В воды он Стикса смотрел на себя.
Публий Овидий Назон*

Идея политического нарциссизма самым своим смыслом провоцирует импульсивные оценки. Подобно близкой по духу психоистории (Ллойд де Моз), она слишком эффектна и «понятна», чтобы не вызывать ревнивого желания тут же со знанием дела выступить. Однако нарциссизм – один из наиболее ярких примеров того, как в истории повседневности и самой науки меняется «удельный вес» понятий, смещающихся с периферии в самый центр идеологии и политики, познания и самосознания. Злая ирония в том, что именно эта тема часто вызывает ответные нарциссические реакции со всеми признаками грандиозной самости и безапелляционной компетентности при полном равнодушии к любой другой позиции, кроме своей.

«Нарциссизм – излюбленный диагноз для политических лидеров любой партии, противостоящей твоей собственной» (это уже из книги «The Selfishness of Others – An Essay on the Fear of Narcissism» Кристин Домбек, признанного экс-

перта в исследовании нарциссов в политике¹). Что неудивительно, если знать, какими сокрушительными эффектами чревата такого рода диагностика. Хватит кейса с величайшим в электоральной истории провалом на президентских выборах, породившим знаменитое «правило Голдуотера», о чем ниже.

¹ *Kristin Dombek. The Selfishness of Others: An Essay on the Fear of Narcissism. Paperback – August 16, 2016.*

Сергей Мильченко. Нарцисс..2014 (фрагмент)

Но тем более велик риск, что все сведется к пополнению политического жаргона еще одним хлестким эпитетом, не более. В иерархии ругательств это близко к особо крепким детским и бытовым выражениям уровня «ненормальный», «психический» и т. п., включая обценные (например, производные от «еб...тый» с разными суффиксами). Особенно остро звучит такая лексика в России, в которой во всем, что касается психиатрии, как выразилась одна моя сотрудница, «диагноз хуже судимости».

Есть осложнения и в самом научном сообществе, в теории и профессиональной аналитике. Даже там, где политический нарциссизм ставится едва ли не во главу угла, как правило, все сводится к нарциссизму не столько политики, сколько политиков, то есть к психоистории и психопатологии отдельных более или менее выдающихся личностей, от прогрессивных харизматиков до президентов-людоедов. До анализа институтов, повседневных практик, обезличенных идеологий и так называемых бессубъектных структур сознания дело практически не доходит. Слишком яркая поверхность мешает видеть глубже, хотя, строго говоря, там самое интересное.

В реакции на идею часто присутствует ревнивый скепсис. Обыденный здравый смысл одинаково легко ориентируется в тонкостях политики и психики, сознания и бессознательного со всеми издержками «педагогической парадигмы» (страсти учить). Нервическое восприятие проблемы

усиливается неприятным открытием, что ты вдруг оказался элементарно не в курсе столь мощного движения в политической реальности и аналитической мысли. В конце концов, это просто обидно. Если мы об этом до сих пор ничего не слышали, значит, данное направление по определению должно быть чем-то маргинальным. Однако сам факт такой упорной неосведомленности, продолжающейся в вытеснении неожиданного чужого хита, достоин отдельного анализа. Здесь что-то явно мешает, и это что-то, вполне вероятно, связано с тем же самым нарциссическим комплексом. Собственный нарциссизм субъекта против нарциссизма в политике как объекта анализа – характерная интрига нарциссического сопротивления и непроницаемости. Что-то вроде «брони характера» (но в более широком смысле, чем у автора термина Вильгельма Райха с его телесно-ориентированной психотерапией).

Подобное сопротивление встречается и в профессиональной среде, а не только в сообществе средних гуманитариев. В собственно методологическом плане дело сводится к критике: 1) вульгарного психологизма в объяснении явлений политики и политического сознания; 2) некорректного переноса индивидуального на социальное, личностной патопсихологии на психику и ментальные структуры коллективов, общностей, наций, культур. Нередко смущает кажущаяся несоразмерность ажиотажа, нагнетаемого вокруг модного сюжета, реальному месту этой темы в общей теории и в конкре-

тике самой жизни.

Отдельный вопрос – обвинения в абсолютизации линии Фрейда (как известно, в теории сознания и бессознательного не единственной). В свою очередь сами эти претензии нередко вызваны весьма убогими представлениями о месте проблемы нарцисса в психоистории и в самом психоанализе, в его философских и аналитических производных, в том числе весьма удаленных от первоисточника по времени и смыслу.

Наконец, сказывается явная недооценка масштабов бедствия. Нередко даже очевидные патологии и критичные ситуации воспринимаются как авторские преувеличения. В таких случаях склонны видеть понятное и тоже по-своему нарциссическое желание аналитика все драматизировать, превращая частность во всеобъясняющий принцип.

Подобные риски есть, они отслеживаются, но и сами эти претензии часто вызваны проблемами с «матчастью» и деформацией оптики. Прежде всего на бытовом уровне в нарциссизме обычно видят лишь безобидную склонность характера, в крайнем случае не самые приятные отклонения в самооценке и отношении к другим, но не спектр расстройств, включающий патологические и злокачественные формы, к тому же практически неизлечимые.

Далее, не учитываются возможности фатальных последствий деструктивного нарциссизма на личностном и социальном уровнях. В наше время данное расстройство, как никакое другое, чревато разрушением жизни людей и общно-

стей, фатальными конфликтами, расколами семей и социума, убийствами в быту и войнами, которые развязывают государства. В «лучшем» случае (как у нас) это холодная гражданская война зашкаливающей самовлюбленности и мегаломании с почти затравленными попытками рефлексии и самокритики. Но все может оказаться еще серьезнее. Гений нуара Стивен Кинг, объявивший Трампа злокачественным нарциссом, выразился однозначно: «То, что у этого парня палец на красной кнопке, страшнее любой истории ужасов, что я написал». Эта сентенция сейчас тоже воспринимается как эффектное преувеличение, но скорее по привычке к ядерному риску и к тому, что до сих пор все как-то обходилось. Плюс подслеповатая вера в надежность технологических и политических защит от срыва. Надо пересмотреть «Жертв оприношение» Тарковского.

Наконец, сказывается банальная неосведомленность о нарциссических эпидемиях общенационального масштаба, не говоря о весьма тревожной динамике с экспонентой буквально в последние годы. В России явное обострение началось всего-то в 2011 году со вторым пиком в 2014 году, со всей посткрымской историей культа победоносности и глобального превосходства. За океаном это уже давно проблема общегосударственного масштаба, и в массовых расстройках, и в индивидуальных проявлениях, вплоть до требований обследования и импичмента по состоянию психического здоровья. У нас же, несмотря на аналогичные и ничуть

не менее массовые и опасные тренды в идеологии и симптоматике политических помешательств, проблему нарцисса все так же сводят к комичным девиациям отдельных персонажей, например, известных друзей.

Нарциссизм целых эпох, таких как Модерн и постмодерн, и вовсе вне поля зрения, хотя этот масштаб имеет прямое отношение к превращениям возрожденческого титанизма в тоталитарные модели, а затем и в политический постмодернизм с характерными эффектами виртуализации, конструирования гиперреальности, самоцентризации и аутоэротизма. Соответственно, практически не учитывается нарциссическая предрасположенность таких важнейших обитателей мира политики, как идеологии, революции, харизматика, мобилизация, сплочение и пр., не говоря о новейших политтехнологиях и изошренном пиаре.

Учитывая все эти разнообразные контексты, кажется тем более необходимым предварить дальнейшее изложение своего рода компактной пропедевтикой – обзором принципов подхода с пояснением моментов, вызывающих наибольшие сомнения. Начинать приходится с происхождения образа и самого имени. Здесь и в самом деле все не так просто – и с Нарциссом из легенды, и с нарциссизмом в психопатологии, тем более в политике. Миф нуждается в дополнительном анализе, но и сам анализ нуждается в зачистке от мифов, которыми он обрастает в обыденных версиях. Миф сложен и именно в этом так продуктивен в толкованиях, расширени-

ях и переносах. Он один из самых чувственных, но и нагруженных сложной символикой и смыслами, достойными рационализации. В свою очередь и теория нарциссизма, в том числе в политике, куда более утонченна, продвинута и строга, чем кажется при первом знакомстве с именем концепции.

Дважды герой: структура мифа и патологии

Проблема имен, подобных Нарциссу, в том, что все о них уже слышали – понемногу и что-нибудь. Как-то я не поверил эксперту в области авангарда, написавшему, что в России плохо знают Лисицкого. Первый же испытуемый из образованных заявил: «Конечно же знаю. Висит в Третьяковке, рядом с Боровиковским».

Миф о Нарциссе общеизвестен, но в редуцированной версии: импозантный юноша влюбился в себя, отчего и умер, превратившись в цветок. Близки к голой схеме практически все энциклопедические и словарные статьи, начиная с Брокгауза и Ефрона². Образец лапидарности: «Употр. как символ самовлюбленного человека» почти отражает общий уровень экзегетики мифа³.

² «Нарцисс, в мифологии – красивый юноша из Фестий или Лакедемона, сын реки Кефисса и нимфы Лейриопы. На вопрос, какова будет судьба мальчика, Тиресий ответил Лейриопе, что он достигнет старости, если не увидит сам своего лица. О смерти Н. мифология сохранила несколько рассказов, из которых известнейший прекрасно передан Овидием ("Metam.", III, 339–510). В жаркий день Н., никого никогда не любивший, нагнулся над чистым источником и увидел свое лицо: с того же момента он влюбился в себя и скоро умер, причем тело его обратилось в цветок» (Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Том XXА (40). СПб.: «Семеновская Типолитография (И.А. Ефрона), 1897. Стр. 603).

³ Ефремова ТФ. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. М.: Русский язык, 2000. URL. Здесь и далее обозначение URL говорит о

Одна из интерпретаций мифологемы нарциссизма имеет отношение к самому эволюционно более раннему беотийскому мифу о Нарциссе. Паскаль Киньяр в своей книге «Секс и страх» так излагает самый ранний из трех известных Беотийский миф о Нарциссе: «Нарцисс был юношей, любившим охотиться на Геликоне. Другой молодой охотник, Амений, питал к нему безумную любовь. Но Нарцисс относился к нему с отвращением и отталкивал его от себя; Амений был ему настолько противен, что однажды он послал ему в подарок меч. Получив оружие, Амений схватил его, убежал из дома, ринулся к дверям Нарцисса и там убил себя, вызывая, во имя своей крови, брызнувшей на каменный порог, к мщению богов. Через несколько дней после самоубийства Амения Нарцисс отправился охотиться на Геликон. Там он почувствовал жажду и решил напиться из источника. Его взгляд остановился на отражении взгляда, и, увидев его, он покончил с собой»⁴.

По версии Павсания, Нарцисс любил свою сестру-близнеца, умершую подростком, что мешало ему любить других. Однажды, увидев себя в ручье, он решил, что видит сестру, и с тех пор искал «свои» отражения в поисках образа, утешавшего его в горе⁵.

том, что в списке литературы дается полная ссылка на электронный адрес издания.

⁴ Киньяр П. Секс и страх. М., 2000. С. 130–131.

⁵ Павсаний, Описание Эллады, 9, 31 и далее.

Античный миф в изложении Овидия много сложнее бытовых версий, он красив и страшен. Пророчество: познает старость, «коль сам он себя не увидит», – по сути, было недвусмысленным предсказанием скорой смерти. Однако:

Долго казалось пустым прорицанье; его разъяснила
Отрока гибель и род его смерти и новшество страсти.

Симптоматика НРЛ поначалу проступает не столько в аутоэротизме, сколько в фиксированном на себе целомудрии:

Юноши часто его и девушки часто желали.

Гордость большая была, однако, под внешностью
нежной, —

Юноши вовсе его не касались и девушки вовсе.

Общий предрассудок: Нарцисс наказан Афродитой за то, что отверг сам дар любви. В других толкованиях это месть богов за грубый отказ безнадежно влюбившейся в него нимфы Эхо. «Отвергнув любовь нимфы Эхо, Нарцисс был наказан Афродитой: влюбился в собственное отражение в воде и умер от неразделенной страсти» – эта формула практически дословно кочует из словарей в энциклопедии и обратно; она повторяется в БСЭ, цитируемой почти всеми, включая Большую биологическую энциклопедию. Месть за отвергнутую нимфу присутствует даже в «Справочнике по Древней

Греции, Риму и мифологии»: «Нимфа Эхо в конце концов умерла от неразделенной любви... Тогда в наказание Немесиды заставила его влюбиться в собственное отражение.». Такое впечатление, что и Эхо, и дар любви в целом подставлены здесь целомудренным ликбезом, чтобы не описывать толпы отвергнутых, включая множество вполне половозрелых древнегреческих мужчин. Однако, как мы увидим ниже, это резко меняет политический смысл всего сюжета – в равной мере и преступления, и наказания.

Что касается Эхо, девушка тоже со странностями: она лишена дара собственной речи и может лишь повторять отзвуком чужие слова. «То была месть Юноны». Ранее болтливая Эхо отвлекала официальную жену Юпитера, пока тот пребывал в горах с другими нимфами. Узнав об этом, разъяренная Сатурния придумывает адское наказание:

Звонкая нимфа, – она на слова не могла не ответить,
Но не умела начать, – отраженно звучащая Эхо.

Нимфа зовет Нарцисса, но в ее призыве он слышит лишь себя: акустика удваивает зеркальную деформацию психики. Но и нормального человека в этой ситуации можно было бы понять. Более того, Нарцисс так жесток отнюдь не только с Эхо:

Нимф, насмехаясь, отверг, как раньше мужей домоганья.

(Практически во всех словарных и энциклопедических статьях говорится только о притязаниях женщин, хотя сам миф в этом плане как минимум равносторонний.)

В беотийской версии присутствует кошмарная история с Амением, более других опротивевшим Нарциссу назойливостью. Добрый юноша послал Амению меч с намеком (или даже вызовом) покончить собой в подтверждение непреодолимости страсти. «Получив оружие, Амений схватил его, убежал из дома, ринулся к дверям Нарцисса и там убил себя, взывая, во имя своей крови, брызнувшей на каменный порог, к мщению богов»⁶. Аминь.

В «Метаморфозах» Овидия отвергнутые Нарциссом возносят богам коллективную жалобу. Вопреки обычному мнению, кару в виде неутолимой страсти к себе придумала для Нарцисса не Афродита и даже не сама Немезида, хотя и была символом возмездия крылатая богиня, каравшая за нарушение общественных и нравственных правил:

Каждый, отринутый им, к небесам протягивал руки:
«Пусть же полюбит он сам, но владеть да не сможет
любимым!»

Молвили все, – и вняла справедливым Рамнузия⁷
просьбам.

Яркий пример и собирательный образ удивительно строй-

⁶ Киньяр П. Секс и страх. М., 2000. С. 130–131.

⁷ Рамнузия – другое имя Немезиды.

ной социальной гармонии Античности: самоорганизации и коллективного творчества масс, полисной демократии, внимания власти к петициям граждан практически в духе Change. org., то есть в виртуальном пространстве общения всех с добрыми богами.

Все эти детали имеют одновременно и специальный, и общий смысл: вопреки словарям, миф о Нарциссе – это отнюдь не только миф о Нарциссе. Явно недооценивается (насколько мне известно, в том числе в феминизме!) сама симметрия трагедий Нарцисса и Эхо как равноправной героини всей этой жуткой истории. Та же безнадежно безответная любовь, ставшая столь трагической тоже в наказание. Тщетные попытки Эхо заговорить с Нарциссом заканчиваются тем же, чем и усилия Нарцисса войти в контакт с собственным отражением как с самим собой (по Павсанию это была влюбленность в сестру-близнеца). Нарцисс-человек и Нарцисс-отражение страстно тянутся друг к другу – и исчезают друг для друга, как только соприкасаются. Образ распадается, на губах остается лишь холод воды; от слез Нарцисса отражение исчезает, как от прикосновений. Но нечто подобное происходит и с Эхо, когда сам Нарцисс пытается с ней заговорить. Нарцисс и Эхо – два отражения, отражающиеся друг в друге, симметрия двух симметрий.

Вместе с тем эта симметрия сложнее, чем кажется. Зеркальная, обращенная симметрия – не симметрия простого повтора. На первый взгляд Эхо – это слышимый Нарцисс, а

Нарцисс – зримое Эхо. Однако даже в изящной версии: «Эхо – акустический двойник Нарцисса» (Н.Л. Лаврова) эти формулировки не точны с неточностью до наоборот. В простой симметрии удваивания Эхо должна была бы самозабвенно повторять не чужие, а свои же слова, тогда как Нарцисс должен был бы видеть не себя, а чужие отражения.

Зеркально симметричны и смыслы двух наказаний: Нарцисс наказан за предательство любви – Эхо наказана за то, что любви предательски потворствовала.

Далее выясняется, что, если не выхватывать сюжет из контекста, а читать насквозь, в общей архитектуре мифа надстраивается еще один уровень. Сама эта конструкция отражений Нарцисса и Эхо (смысловых зеркал) встроена в другой, объемлющий нарратив – миф о Тересии (Терезии). Она находится внутри этого мифа, который по-своему тоже внутренне симметричен.

Увидев на дороге двух спаривающихся змей, Тересий ударил их дубиной – и превратился в женщину. Промучившись так семь лет, на восьмой год он опять встретил на дороге «свадьбу змей» и, быстро сориентировавшись, вновь ударил их. В результате рискованного опыта (мог бы превратиться еще во что-нибудь) Тересий все же второй раз в жизни стал мужчиной. Как побывавший в обоих состояниях он был выбран судьей в шутовском споре Юпитера и Юноны о том, кто больше получает удовольствия от любви – мужчина или женщина. Его ответ (женщина больше) не понравился Юноне,

которая Тересия тут же и ослепила, однако Юпитер компенсировал потерю зрения даром провидения: Тересий и был тем пророком, что стоял у истоков истории с Нарциссом («коль сам себя не увидит»). Но в итоге и сам миф о Нарциссе, как в раме, закольцовывается возвращением к судьбе Тересия:

Весть о том принесла пророку в градах ахейских
Должную славу; греметь прорицателя начало имя.

Вся эта филология имеет прямое отношение к политической метафоре текста. Вкупе с историей Тересия все это сплошное повествование о нескончаемых карах – о наказаниях за отклонения от установленного порядка. Неспровоцированная агрессия в отношении змеиной свадьбы карается сменой пола. (Удивительно, но в индийской мифологии встретить свадьбу змей считается знаком будущего несчастья, одно из которых – гомо- или гетеросексуализм). Эхо наказана за измену в отношении одной из ветвей власти; Нарцисс наказан за гордыню и самоизоляция от социума, от самого мирового порядка. Наказания сочиняются на грани садизма; фантазия богов непредсказуема, как в «черном ящике» нормального бифуркационного процесса: малые сигналы на входе дают непредсказуемо масштабные эффекты на выходе. Дефицит экологической морали ведет к смене пола, а затем и вовсе ослепляет.

Такого рода модернизации в толковании мифа могут показаться искусственными и лишними, но они вполне эвристичны при переходе от мифа через метафору к психопатологии и далее к анализу реалий идеологии и политики. Так, в политическом нарциссизме довольно легко схватываются мании грандиозности и всемогущества с агрессивной фиксацией на себе, характерные для лидеров и масс, общностей и режимов. Но при этом совершенно выпадает образ Эхо, повторяющийся в судьбе политических субъектов, неспособных мыслить и говорить от себя и обреченных повторять отголоски чужих идей и мнений. Это зомбированное состояние достигается идеологическим тренажем и систематической дрессурой в политике, но может быть и наказанием за избыточную болтливость на политические темы, не оставляющую времени и сил на собственное суждение. Типичная модель реактивного существования, начиная с политических ток-шоу и заканчивая поведением в опросах и фокус-группах, вплоть до собственно выборов. В этом смысле исследование жизни и эффектов «политических эхо» ничуть не менее значимо, чем анализ политических нарциссов. Более того, сам эффект эхо непосредственно встроен в структуру нарциссического переноса, когда отраженное повторение суждений объекта идеализации создает чувство собственной грандиозности сопричастностью к всемогущественному целому или персонифицированному политическому гению. Пациент ведет себя как условное эхо, реализуя собственные

потребности закомплексованного нарцисса.

Политическая дидактика присутствует и в образах смерти героев мифа. Классический штамп – нарцисс умер от неразделенной любви. Это романтично, но физиологически он умер от голода, хотя и перестал есть от избытка чувств. Судьба погибающей Эхо симметрична:

После, отвергнута им, в лесах затаилась, листвою
Скрыла лицо от стыда и в пещерах живет одиноко.
Все же осталась любовь и в мученьях растет от обиды.
От постоянных забот истощается бедное тело;
Кожу стянула у ней худоба, телесные соки
В воздух ушли, и одни остались лишь голос да кости.
Голос живет: говорят, что кости камнями стали».

Копия физиологической смерти Нарцисса:

«Бодрости нет, ни сил, всего, что, бывало, пленяло.
Тела не стало его, которого Эхо любила...

Эти две схожие смерти, будто отражаются друг в друге. У Куна этот конец описан с вариациями до слез:

Видит и несчастная нимфа Эхо, как страдает Нарцисс. Она по-прежнему любит его; страдания Нарцисса болью сжимают ей сердце.

– О, горе! – восклицает Нарцисс.

– О, горе! – отвечает Эхо.

Наконец, измученный слабеющим голосом

воскликнул Нарцисс, глядя на свое отражение:

– Прощай!

И еще тише чуть слышно прозвучал отклик нимфы
Эхо:

– Прощай!.

Нарцисс прощается со своим отражением, а Эхо с ним, и этот ее повтор впервые оказывается осмысленным.

Эти истории своей «онтологией» в точности воспроизводятся нарциссическим социумом, замороженным собственными льстивыми отражениями в идеологии и пропаганде, в мифических успехах дипломатии и армии, которой «там нет», в экранах телевизоров и компьютерных мониторах... Мегаломания и мания превосходства, бред величия, полное равнодушие к другим, упоение собственной грубостью и жестокостью, неспособность любить или хотя бы слышать кого-либо, кроме себя, истерическая реакция на критику, сопровождающаяся приступами нарциссического гнева и нарциссической ярости – все это до боли знакомо. Но реже обращается внимание не только на «новшество страсти», но и на «род гибели». Смерть от голода – лишь метафора общей деградации организма. Политический нарциссизм в деструктивных, патологических, а тем более злокачественных формах ведет к упадку экономики, к деградации среды обитания и развалу инфраструктуры, не имеющей отношения к показухе. Политический нарцисс легко подпадает под санкции сожителей по планете, но и сам же зарывает свои ресур-

сы в землю, сооружая гигантские потемкинские деревни размером с малый город.

Подобно тому, как самовлюбленный Нарцисс и влюбленная Эхо забывают о еде, одновременно и самовлюбленная, и влюбленная в вождя масса склонна прощать власти собственное обнищание в благодарность за недолгое упоение геополитической гордыней.

Здесь самое время вспомнить, что завершается легенда вовсе inferнально – и после смерти Нарцисс не может оторваться от своего отражения:

Долго лежал он, к траве головою прикинув усталой;
Смерть закрыла глаза, что владыки красой любовались.
Даже и после – уже в обиталище принят Аида —
В воды он Стикса смотрел на себя.

К нам это тоже относится, но не вполне: после ядерной войны все россияне как невольные жертвы попадут в рай.

Моральная дидактика мифа вызывает восхищение. На вопрос, что хотел сказать автор этим художественным произведением, можно долго распространяться на тему: мораль сего мифа такова. Это не только грех жестокой самовлюбленности, но и история преступлений и наказаний в целом. Там все буквально пропитано первобытной жутью. Мы еще не сказали, что сам Нарцисс появляется на свет в результате изнасилования его матери нимфы Лириопеи голубым потоком (беотийской рекой) Кефисом.

Психопатология политического нарциссизма потенциально так же объемна, сложна, эвристична и поучительна. Здесь все гораздо глубже и интереснее, чем выяснение, как в оптике психоанализа выглядит работа имиджмейкеров Путина и приведет ли Трампа к импичменту диагноз злокачественного нарциссизма раньше разоблачения его тайных политических и геополитических манипуляций. Важно лишь избавиться от провинциальности и постараться все же услышать, что нарциссизм входит в ядро современной психоаналитики, что это эпидемия целых наций и болезнь века, затрагивающая едва ли не главное в психоистории модерна и постмодерна. Разбираться с политикой психических убежищ и патологическими организациями у психотических, невротических и пограничных пациентов не менее интересно, чем с подлинным мифом о Нарциссе. У нашего времени свои мифы, свои метаморфозы и свои нарциссы, посильнее, чем у Публия Овидия Назона⁸.

⁸ В конце XX в. вновь возникает новая волна интереса к теме нарциссизма. Многочисленные авторы (М. Фуко, Ж. Дерида, К. Леш, Дж. Хуган, П. Мэрин, Ж. Бодрийар, Ж. Липовецки, А. Лоуэн и др.) заговорили о современной западной культуре как о культуре нарциссизма, которая оказалась связана с трансформаций ценностного самосознания как отдельного человека, так и общества в целом (Соколов С.Е. Ценностные корреляты нарциссических проявлений личности (Научная библиотека диссертаций и авторефератов. URL).

Два вождя, три эпидемии

Нарциссизм в «обычном», расхожем смысле, вне прямой связи с состоянием социума и политики – одна из популярнейших тем во всем, что касается психологии и психиатрии. В этом сюжете соблазнительно все: его чувственность и символизм, экзотика фабулы и фактуры, элегантные ходы в теории и терапии. Сотни Эхо пишат диссертации, курсовые и популярные заметки на эту особо вкусную, я бы даже сказал «сладкую» тему.

Однако, начиная разговор о нарциссизме в идеологии и политике, даже в самых благодарных аудиториях ощущаешь себя бросающимся на информационную амбразуру. Или вопиющим в аналитической пустыне. Запрос в Интернете на «политический нарциссизм» выводит на твои же статьи в «Форбс» под более узким тегом «политический нарциссизм в России» – более ничего. Выглядит так, будто общество чувствует себя настолько психически здоровым, что считает возможным вовсе не обращать внимания на эпидемиологическую тревогу в других странах, порой близкую к панике.

Необыкновенная популярность темы нарциссизма как такового в специальной, а отчасти и в популярной околопсихологической литературе не снимает проблемы. Одно дело, кто такие нарциссы и что такое нарциссизм «в личном пользовании» и в малых группах, а совсем другое – что в этом

плане представляют собой общество, нация, социум, режим, политтехнологии, PR и GR, пропаганда, идеологии и политические мифы, в том числе мифы-основания государства. Удивительно, как, казалось бы, один и тот же сюжет в одном плане может давать перенасыщенность, а в другом – вакуум.

Хорошее средство прочистки мозгов с одновременным заполнением пустот – знакомство с богатым опытом других пострадавших. В этом плане для сопоставления нам может быть интереснее даже не столько Европа, сколько Америка. Вслед за Иваном Тургеневым, особенно к его 200-летию, у нас носятся с образом «русского европейца», однако с не меньшим, если не с большим интересом можно было бы проработать сопоставление русского и американского. Здесь может оказаться одновременно и больше общего, чем в сопоставлении себя с Европой, но и контрарного, вскрывающего природу характера своей противоположностью. Много буквально бросается в глаза, начиная с вечного завоевания, переселения и освоения неведомых миров, географических и политических, и заканчивая современной динамичностью и пространственной подвижностью американцев, резко отличающей их от будто прикрепленных к месту современных русских. В свое время меня поразило, как долго и упорно именно русские и американцы держались за рамную конструкцию автомобилей, в то время как Европа уже активно переходила на самонесущий, безопасно сминаемый кузов.

Забегая вперед, надо подчеркнуть, что американский нарциссизм скорее персоналистского, личностного толка в корне отличается от российского коллективистского, массового нарциссизма, более построенного на компенсации общесоциальных комплексов и идеализирующих переносах на грандиозность и всемогущество державы с характерным культом вождя. Эти два типа нарциссической акцентуации можно условно определить как достижительный и компенсаторный. По «абсолютной» величине эти две эпидемии, в России и в Америке, могут быть практически равноценны, но при этом Россия безнадежно отстает от Америки в профессиональной и массовой рефлексии по поводу усугубляющегося нарциссизма нации.

В США уже целый ряд лет наблюдаются две эпидемии: обыденного, бытового нарциссизма как массового явления – и писательской, публицистической, исследовательской, диагностической и терапевтической активности, прогрессирующей на этой почве. У нации сформировался своего рода «свой» но при этом общий на всех коллективный психотерапевт, все более явно и настойчиво концентрирующийся именно на нарциссическом расстройстве. «Призрак преследует Америку – призрак нарциссизма. Это проявляется в потоке недавних книг с такими названиями, как “Нарциссисты разоблачены” и “Нарциссист по соседству” <...>, в исследованиях, показывающих, что американские авторы используют “I” и “my” много чаще, чем раньше, свободно приме-

няя этот термин (нарциссизм. – А.Р.) ко всем, от Дональда Дж. Трампа и Барака Обамы до Эдварда Дж. Сноудена, Опра Уинфри и Канье Уэста»⁹.

О масштабах бедствия достаточно может сказать один только этот отдельно публикуемый богатейший материал со следующим представлением: This document provides sources used in The Narcissism Epidemic by Jean M. Twenge and W Keith Campbell (Free Press, 2009). (http://www.jeantwenge.com/wp-content/uploads/2017/08/narcissism_epidemic_endnotes.pdf). Речь специально идет о ссылочном аппарате одной из самых известных книг, посвященных эпидемии нарциссизма. Кстати, если набрать в наших поисковиках эти два слова «эпидемия нарциссизма», сначала поражаешься присутствию материалов на эту тему в самых разных ресурсах, а потом – тому, что практически все эти материалы размещены на достаточно маргинальных сайтах, начиная с «Отдыха и развлечения “диких” хозяек» и заканчивая «Международной академией каббалы». На более основательных сайтах это в основном ссылки на двух авторов (и одновременно соавторов) – Jean M. Twenge и W. Keith Campbell. Это прежде всего их книга «The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement», но отдельно и популярные интернет-презентации с хорошим

⁹ Schuessler Jennifer. Rewieu: “The Selfishness of Others”, or I’m O.K. -You’re a narcissist // The New York Times, July 31, 2016. URL.

счетчиком посещений¹⁰.

Отдельное направление – исследование эпидемии нарциссизма в Интернете¹¹.

Об оценке положения говорит уже сам характер заголовков, особенно когда они собраны вместе: «Narcissism: The Epidemic of Our Time», «The Narcissism Epidemic. Living in the Age of Entitlement», «Today's Central Cultural Theme», «How collective narcissism is directing world politics», «A specter is haunting America: the specter of narcissism», «The Internet 'Narcissism Epidemic'», «Generation me», «The Me Me Me Generation», «Me! Me! Me! Are we living through a narcissism epidemic?», «The Culture of Narcissism: American Life in an Age of Diminishing Expectations», книга Сэнди Хотчкис «Адская паутина. Как выжить в мире нарциссизма»...

Особую озабоченность вызывает динамика распространения массовых расстройств. Оценки студентов американских колледжей по «инвентаризации» симптомов нарциссической личности выросли в 2 раза быстрее за 5 лет с 2002 по 2007 год, чем в период между 1982 и 2006 годами, то есть за 24 года. Подсчитано, что более 10 процентов американ-

¹⁰ *Campbell W Keith*. The psychology of narcissism. URL. (почти 3,5 млн просмотров и четверть млн ответов на вопросы); ее же материал на Youtube: *W Keith Campbell*. The Narcissism Epidemic URL.; *Питни Джон*. Эпидемия нарциссизма. Интервью с Жан М. Твендж. URL.

¹¹ *Davidow Bill*. The Internet 'Narcissism Epidemic'. Don't let popularity set your standard // «The Atlanta», March 26, 2013. URL.

цев уже обладают значительными нарциссическими отклонениями¹². Нет оснований полагать, что процесс обернется вспять, скорее наоборот. Жесточайшая конкуренция уже на этапе учебы, культ достижения и успеха, сопровождающийся паническим страхом оказаться в лузерах, – все это приводит к росту употребления стимулирующих психотропных средств, что в целом мало чем отличается от допинга в спорте. Многие родители оказываются перед суровым выбором: закрывать на все это глаза – или запрещать употребление таких стимуляторов и другой подобной химии, сознательно, своими же руками ставя своих детей в условия неравной карьерной, жизненной конкуренции.

У нас такие исследования, насколько мне известно, не проводятся да и вообще вряд ли представимы. В силу социально-политической заряженности нашего варианта нарциссической эпидемии здесь пришлось бы делать акцентированные выходы на идеологию и политику, в том числе с персоналистским прицелом, что в политическом плане было бы воспринято как ересь, хотя бы в силу понимания того, что значит в нашей политической и околопсихологической культуре само слово «диагноз». Однако о многом может сказать даже не замер как таковой, а интуитивное сопоставление состояний, разнесенных во времени. В том, что касается именно политического нарциссизма за рубежом, в частности в США, такие экскурсы в психоисторию тоже необходимы,

¹² Narcissism and Politics: Dreams of Glory. By Jerrold M. Post. New York, 2015.

поскольку и здесь критичная ситуация складывается именно в последнее время и во вполне понятном политическом контексте. Все это опять отсылает нас к мифу о несчастном Нарциссе, который поначалу пребывал скорее в состоянии латентной девиации и лишь потом, в определенный момент, в заданной системе отношений и в понятном событийном контексте стал классическим пациентом НРЛ. Короче, здесь тоже надо искать поворотные точки, и они близко, даже очень.

В США политизация проблемы нарциссизма как общенациональной беды несомненно оказалась связана с победой Трампа на президентских выборах. Вообще говоря, эта победа (как и ее продолжение в аналитике) стала такой сенсацией в том числе и в силу своей неожиданности. Было много написано о триумфе экзальтации, эпатажа, фейкового популизма и агрессивной самовлюбленности как свойств не только кандидата, а затем президента, но и самого проголосовавшего за него электората. Применительно к нашей теме можно сказать, что нарцисса выбирают нарциссы, хотя в таких ситуациях несомненно срабатывает и целый ряд других факторов. Общий сдвиг в эту сторону к тому времени несомненно был, однако можно попытаться реконструировать реакцию оперативной или более фундаментальной аналитики, если бы победила Хиллари Клинтон. На перелом в характере нации и вообще в электоральных настроениях Запада, несомненно, обратили бы внимание, но эффект не был бы столь оглушительным. Это тем более смущает, что

перевес Трампа был минимальным и последние граммы на чашу весов были положены сугубо субъективными, необязательными, во многом случайными факторами. Тем не менее трудно не признать, что при ином исходе выборов и ситуация в политической аналитике и даже в политической философии сейчас могла бы быть иной. Кстати, «у 25 % молодых граждан США наблюдались симптомы посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) после президентской кампании 2016 года. К такому выводу пришли американские психологи, проведя опрос среди студентов Университета штата Аризона спустя несколько месяцев после выборов»¹³.

В дальнейшем в нашей книге подробнее приводятся описания скандала с реакцией сообщества американских психологов и психиатров уже на сам факт участия Трампа в президентских выборах 2016 года, но вкратце: лишь «правило Голдуотера», запрещающее экспертам выступать с публичными диагнозами, если они не обследовали пациента лично, не позволило большинству профессионального сообщества публично обратиться к Конгрессу и к прессе с соответствующими подозрениями. Тем не менее публичное заявление о причине этого вынужденного молчания прозвучало, и это было, по сути, таким же латентным сигналом, как и прогноз Тиресия о трагической судьбе Нарцисса. Скандал

¹³ Удар по психике: как победа Трампа на выборах могла довести американскую молодежь до посттравматического расстройства // RT на русском. URL.

сопровождался формированием массового профессионального движения «Психиатры против трампизма». Из-за океана трудно судить, какова здесь пропорция в сочетании строгой психиатрии и политического неприятия, однако акцент на злокачественной форме именно нарциссического отклонения здесь несомненно присутствует.

В российской политике актуализация проблемы нарцисса также связана с конкретным временем, с понятной конфигурацией процессов и событий. В идеологии и пропаганде расстравливание нарциссического синдрома своим началом приходится примерно на 2010–2011 годы. Тогда в стране произошла подлинная революция в ответе общества на «основной вопрос философии» – о том, что первично: материя или сознание? До этого все было проще: в 1990-е годы страна и население по необходимости выживали в состоянии стихийного материализма и без централизованной идеологии, хотя и под обстрелом крайне агрессивных идеологий оппозиции всех родов. Далее, в периоды курса сначала на «стабильность», а затем на «модернизацию», этот симбиоз уже более осмысленного материализма, рационализма, функционализма и социального конструктивизма психологические, идеологические и в особенности эмоционально-психологические контуры социума также не особенно затрагивал. «Стабильность», конечно же, продвигалась как ценность, особенно близкая людям, измученным переменами и неопределенностью, отсутствием привычных минимальных гарантий. Точ-

но также «модернизация» льстила стране, уже привыкшей к стабильности и более не готовой целиком продаваться власти только за это в целом естественное благоприобретение. Однако все это имело под собой вполне определенную материальную, социально-экономическую или инновационно-технологическую подоснову, хотя бы только в сощобеспечении либо в проектах радикального преобразования экономики («смена вектора»). И это не шло ни в какое сравнение с тем резким креном в идеологию и психологическую накачку, какой случился в результате падения рейтингов и продвижения протестных настроений из столиц в города-миллионники в 2009–2010 годах. Именно с этого момента акцентируются небывалые в истории человечества достижения нашей коллективной нравственности, духовности и державности, резко отдающие манией глобального превосходства на грани бреда величия с самореализацией за счет уничтожения других и истерической реакцией на критику. В 2014 году эта риторика получила «материальное» воплощение в геополитических приобретениях и военизированных акциях, составивших на тот момент ядро грандиозного «Я» режима и значительной части социума.

Вместе с тем в более широком историческом контексте латентную предрасположенность к политическому нарциссизму у нас можно обнаружить и в целом ряде эпизодов – как в своего рода коллективной психоистории нации (при всей условности применения понятия «нация» в нашем случае).

Если сквозь оптику нарциссизма смотреть на большую российскую историю, то здесь мы вовсе не обязательно обнаружим симптомы эпизодической, а тем более хронической патологии. В дальнейшем мы более подробно разберем соотношение конструктивного и деструктивного нарциссизма, нарциссической «нормы» и патологии. Но надо сразу понять, что помимо серьезных и многим чреватых расстройств есть, условно говоря, «нарциссизм здорового человека» — а значит, и здорового общества. Если есть нарциссизм как профессиональная предрасположенность (но и профессиональное заболевание) у актеров, художников, политиков и теноров, не говоря о самих психологах, то тем более есть нормальная доза нарциссизма в символическом самоопределении наций и государств. Не всякое самомнение и не всякие амбиции, даже завышенные, надо тут же записывать в диагноз. Отклонение начинается с появления внятных признаков отрыва от реальности и от себе подобных, с разрушения коммуникации и основ солидарности. А это уже отдельные типы психоисторических событий и процессов.

В нашей истории это, несомненно, была прежде всего Великая Октябрьская социалистическая революция, со всей идущей от нее идеологией глобального и исторического лидерства на пике прогресса человечества как социально-политического вида. Типичный вариант идефикс с признаками мегаломании и отрыва идеологизированной гиперреальности от голодной, а часто и самоубийственной прозы жиз-

ни. В этом смысле по фабуле мифа о Нарциссе можно с равным правом описывать и революции, и развитые идеологии – тем более что революции, как правило, и есть воплощенный в жизни и смерти триумф идеологии.

Как ни странно это сейчас звучит, но Отечественная война послужила шоковым сеансом самостоятельного психоанализа и психотерапии, во многом расчистившим нарциссические наслоения коммунистической идеологии и пропаганды, всей этой мегамашины партполитпросвета. Это лишь потом из беды и победы сделали типичный нарциссический культ, позволяющий непрерывным самолюбованием замещать заботу о прозе жизни. О злокачественной нарциссической ориентации сталинизма в общем виде уже немало написано, и такие тексты представлены в том числе и в нашей книге.

После относительно самокритичной оттепели приходит «застой» со всеми признаками идеологизированного нарциссизма и нескончаемого самолюбования. Увесивший себя орденами и званиями Брежнев был не просто комичной фигурой, но и олицетворением нарциссической сути самого режима, его идеологии и политической самоидентификации.

О характерной для будущих нарциссических провокаций младенческой травме обесценивания, сопровождавшей в 1990-е годы появление на свет «Новой России», далее также будет сказано специально и не раз.

Таким образом, в подобной психоистории проявления политического нарциссизма в наше время вовсе не кажутся

удивительными. Наоборот, было бы удивительно, если бы их не было. Строго говоря, их просто не могло не быть.

Если же теперь попытаться перейти с макросоциального уровня к особым характеристикам персоналистского режима с отчетливыми признаками вождизма, то здесь мы столкнемся с рядом трудностей одновременно объективного и субъективного свойства. Как это ни смешно, поиск дает всего два материала такого рода. Первый – это крохотная заметка в РБК от 17 апреля 2014 года под названием: «“Измученная русская душа”. Западные эксперты заподозрили у Владимира Путина нарциссизм» (<https://www.rbc.ru/newspaper/2014/04/17/56bee91e9a7947299f72d21a>). Кажется нереальным и количество просмотров – 72. Второй материал – уже упоминавшаяся в Предисловии заметка, собравшая фантастическую аудиторию – более 5 с половиной тысяч репостов – не просмотров! – только на Фейсбуке («“Он не способен сочувствовать”. Путин глазами психиатра» <https://www.svoboda.org/a/29562008.html>)¹⁴.

Поскольку я склонен распространять «правило Голдуотера» и на Россию, а тем более на сочинителей, не считающих себя собственно психоаналитиками или психотерапевтами, придется специально обратиться к теме условной, латент-

¹⁴ Можно было бы упомянуть интервью на «Радио Свобода» от 11 июля 2016 г. «Психология лидеров – от Буша до Путина. Гость АЧ – психоаналитик Джастин Франк (Евгений Аронов)», но там на нашу тему практически ничего нет (что тоже результат), хотя работы этого эксперта включены в списки литературы ряда сильных университетов, в том числе по рубрике «Нарциссизм».

ной диагностики, а также к проблеме бессубъектных психических организаций на уровне политики и макрополитики. Вопреки сложившейся ориентации личностно ориентированных исследований в области политического нарциссизма, представляется, что как раз в сфере политики и идеологии бессубъектные формы оказываются наиболее значимыми по жизни и продуктивными в исследовании, не говоря о практической трансформации, если она вообще возможна.

Диагностика бессубъектного

Как только речь заходит о политическом нарциссизме, многих сразу же отпугивает слово «диагноз» – или хотя бы перспектива такой диагностики. И это по-своему правильно по целому ряду причин. Однако при переходе с личностного уровня на групповой, массовый, а вообще говоря, на социальный, многое существенно меняется, в том числе одновременно в методологическом и в этическом плане.

Здесь в качестве предельно короткой интродукции приходится сразу снять вопрос о корректности распространения нарциссизма из личностной психопатологии на социальный уровень. Об этом можно было бы долго распространяться, в том числе с авторитетными ссылками, однако для наших пропедевтических целей здесь достаточно убедительной цитаты из Эриха Фромма (который, для справедливости, не самый большой герой моего романа). В «Душе человека» Фромм пишет: «Индивидуальный нарциссизм может превращаться в групповой, и тогда род, нация, религия, раса и тому подобное заступают на место индивида и становятся объектами нарциссической страсти»¹⁵. Кажется, этого условного «заступают на место» достаточно для того, чтобы пока не вдаваться в долгие рассуждения об онтологических переходах личностного в социальное и коллективное и наоборот.

¹⁵ Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 54.

Нарциссизм парадоксален: в психопатологии нет ничего сложнее, но одновременно и проще. Нет ничего сложнее в плане терапии, но и нет ничего проще в плане диагностики.

Насчет простоты диагноза это, конечно, грубое преувеличение, однако в этом есть определенный смысл. Если разбираться с каким-либо социальным, политическим или идеологическим явлением, аналитику вовсе не обязательно ставить диагноз самому, тем более если это диагноз категоричский. Достаточно дать читателю более или менее стандартный диагностический инструментарий – а потом оставить его во всеоружии такого знания один на один с... телевизором, образом лидера, идеологией государства или партии, личностными характеристиками выдающихся дипломатов, военных, аналитиков или телеведущих. Это позиция отчасти коварная, если не сказать иезуитская, однако она честная. Я не навязываю вам свой диагноз и, более того, могу сделать вид, что у меня его вовсе нет. Примерно владея набором диагностических инструментов, кстати не самых сложных, вы сами ставите диагноз – или не ставите его. Но в любом случае ваше отношение к объекту существенно видоизменяется. Вы тоже можете ни на чем не настаивать, но от бросающихся в глаза выводов теперь трудно будет отказаться. И это совершенно нормально, коль скоро мы не решаем судьбу человека или организации, а лишь формируем собственное мнение.

Вот для примера (и для разминки в психоанализе себя любимого) такого рода популярная симптоматика из работы

«Нарциссизм и как он разрушает жизнь»:

Для начала пробегитесь по симптомам:

- ◆ Чувство жгучей зависти к людям, которые преуспели больше вас. Кого хвалят, чьи посты «лайкают». Иногда зависть настолько захлестывает, что портится настроение на целый день.

- ◆ Частое сравнение себя с другими по критерию «лучше» и «хуже».

- ◆ Потребность в восхищении, похвале, зависти со стороны. Потребность демонстрировать успешность или уникальность или быть не таким, как все.

- ◆ Причисление себя к особенным, уникальным, превосходящим серое большинство. Вера в наличие неких изысканных талантов, которые могут оценить избранные.

- ◆ Прыгающая самооценка: я бог/я говно. (80 % времени «я говно»).

- ◆ Демонстрация превосходства. Иногда высокомерие при общении (если компания безопасная), снисходительное отношение к окружающим. Сюда же можно отнести ведение инстаграма/бложика с тщательно отбираемыми фотографиями, демонстрирующими, что вы «в тренде» или, наоборот, «тонко чувствующий эстет с офигенно богатым внутренним миром».

- ◆ Непонимание чувств и мотивов окружающих и нежелание их уважать. Нежелание вникать в переживания и чувства людей, их жизненную ситуацию. Отсутствие эмпатии, окружающие кажутся какой-то

примитивной серой массой. Проблемы и тревоги других – унылой банальщиной.

♦ Перфекционизм и прокрастинация. Вы пытаетесь делать все идеально, но не доводите задумки до конца. Хочется, чтобы никто не пристебался к ошибкам, а восхитился идеальностью проделанной работы. На деле же работа вызывает кучу стресса, а кладбище проектов и брошенных дел напоминает городское по количеству могил.

♦ Мучительное чувство, когда вылизываешь проект, а от него уже тошнит.

Увлечения быстро надоедают. Ведь чтобы преуспеть, нужно много и нудно прокачиваться, а хочется «мотивации», драйва и вагон лайков.

♦ Фантазии на тему успеха, богатства, могущества, всемирного признания.

♦ Пытаетесь управлять мнением людей и своей репутацией, расстраиваетесь, если это не удастся.

♦ Любите критиковать и искать изъяны в работах других людей.

Последний пункт не совсем четкий критерий, скорее наблюдение. Чужие косяки приятны вдвойне, во-первых, человек сам себе разрешает косячить, во-вторых, суть самооценки нарцисса строится на возвышении себя по сравнению с другими. Топишь окружающих – всплываешь сам.

Если это про вас или про близких людей, добро пожаловать в удивительный мир нарциссизма, расстройств личности, претендующего на звание

психологической чумы современного мира.

Нарциссическое расстройство личности – проявляется в чрезмерном переживании собственной значимости в сочетании с повышенной потребностью во внимании и восхищении со стороны других людей¹⁶.

Более строгая классификация симптомов нарциссизма представлена в Диагностическом руководстве по психическим расстройствам DSM-5. В общем виде нарциссическое расстройство личности характеризуется «грандиозностью (в фантазиях или поведении), постоянной потребностью в восхищении, и отсутствием эмпатии, которые проявляются в юношеские годы и влияют на все сферы жизни».

Чтобы нарциссизм был признан патологией, а не особенностью характера, у человека должны проявляться как минимум пять из девяти характерных признаков.

Непомерное чувство собственной важности. Такой человек преувеличивает свои достижения и таланты и ожидает, что его признают лучшим в выбранной области, причем без реальных достижений;

Постоянные фантазии о собственном успехе, силе, блеске, красоте, идеальном объекте любви;

Вера в то, что он (она) – особенна и уникальна, и достойна общества только лучших людей: самых богатых, высокопоставленных, известных;

¹⁶ URL: https://m.pikabu.ru/story/nartsissizm_i_kak_on_razrushaet_zhizn_5077616

Постоянная потребность в восхищении;

Чувство, что ему все должны, то есть необоснованно высокие ожидания того, что такому человеку будут оказывать особые почести и исполнять его желания;

Эксплуататорское поведение в общении, использование других для достижения своих целей;

Отсутствие эмпатии. Нежелание признавать чувства других людей и неумение отождествлять себя с их потребностями;

Зависть к более успешным людям или убеждение, что другие завидуют ему (ей);

Демонстрация высокомерного и надменного поведения или взглядов¹⁷.

Однако во всем, что касается политического нарциссизма, ситуация одновременно и сложнее, и проще. Она сложнее в том плане, что сама политика как особый род деятельности и отношений во многом предполагает присутствие нарциссической акцентуации, например в диапазоне от популярности до харизмы. Поэтому здесь не всегда можно сразу разделить технологию и психологию активного нарциссического субъекта. Так, в, казалось бы, явно нарциссическом поведении лидера можно усматривать и его личностную predisposition вплоть до патологии, и эффективную разработку имиджмейкеров и политтехнологов, проще говоря –

¹⁷ American Psychiatric Association. Diagnostic And Statistical Manual Of Mental Disorders, Fifth Edition (Dsm-5). -Arlington, Va: American Psychiatric Publishing, 2013. P. 992.

роль. Все переходы натуры в роль и обратно понятны, однако эта сложность одновременно и упрощает позицию аналитика. Внешний наблюдатель не ставит диагноз личности, тем более со всеми профессиональными и этическими ограничениями такого рода диагностики, но он вполне ответственно может ставить диагноз той бессубъектной структуре, которая представлена в профессиональной разработке данной роли. Здесь может быть использована универсально продуктивная формула Канта *als ob* – вполне достаточно того, что политик ведет себя так, *как если бы* он был нарциссом именно в своей психической организации.

То же самое распространяется на все ранее упоминавшиеся бессубъектные формы сознания, такие как идеология, стиль и контент пропаганды и пр. Так, нас может во все не интересовать, является ли патологическим или даже злокачественным нарциссом идеолог-сочинитель или идеолог-транслятор идейной харизмы, но сам тон и контент идеологии можно рассматривать в качестве обстоятельств условного субъекта и даже пациента. Иначе говоря, идеология и политика, пропаганда или режим могут вести себя так, как если бы они были человеком с той или иной степенью нарциссической деформации психики. Эта методологическая сложность одновременно существенно, иногда решающим образом упрощает все, что связано с методологической корректностью и профессиональной этикой. Далее я могу вообще вынести за скобки, в какой мере, например, имидж-

мейкеры работают не только на публику и электоральный результат, но и нарциссические склонности самого клиента. В свое время Путин с удивительной регулярностью покорял все среды, виды техники и даже фауны: воздух, вода, самолеты и стерхи, автомобили и лошади, рыбы и тигры. Мы не знаем, с каким вожделением он всем этим занимался – или же все это ему сильно претило и он это делал только ради политического эффекта, если не для спасения Родины от дефицита сплочения и мобилизации. Мы не знаем, в какой мере здесь был задействован внутренний пиар, проще говоря, желание исполнителя угодить и польстить самому клиенту. Но вполне достаточно того, что это была роль классического нарцисса – неважно, как именно написанная и исполненная. Важно другое: как все эти схемы переносятся, например, на внешнюю политику и военные акции государства, на глобальную гордыню и своего рода нарциссической милитаризм. Все это можно рассматривать с точки зрения появлений нарциссизма, отвлекаясь от психопатологической диагностики в обычном смысле этого слова.

Михаил Лушников, Нарцисс, 2004 (фрагмент)

Вместе с тем весь этот нарциссический формализм нельзя в полной мере оторвать от характеристик персоналистского режима, а тем более от психопатологии нарциссической массы. Актер может притворяться, но не возбужденная им публика, явно страдающая комплексами неполноценности, мукой обесценивания и потребностью в компенсации в форме «грандиозного Я», слитого с всемогущестvenностью державы, империи, ее всепобеждающей дипломатии и виртуозно действующих ВКС. Этот факт имеет принципиальное значение, поскольку резко перестраивает «терапевтические» стратегии работы с массой. Упования на просветительскую миссию и рациональную расчистку засоренных мозгов приходится резко сокращать, понимая, что в таких случаях реакции нарцисса, как правило, дают эффекты, прямо противоположные желаемому. Даже выяснив, кто виноват, мы еще не приближаемся к ответу на вопрос, что делать. Терапия политического нарциссизма, воплощаемого в бессубъектных структурах и в условной субъектности, – дело другой работы.

Раздел первый

Цикл в форбс

Устанавливая максимальный контроль над всем, что так или иначе связано с отражением, нарциссическая власть не столько репрессирует кого-то, сколько спасает себя
А. Ксан

Опыт психоанализа

Даже беглая оценка коллективного сознания и массовой психологии российского общества указывает на ряд изменений, в частности, связанных с регрессией – с возвратом к архаичным, примитивным и крайне опасным состояниям. К такому заключению подводят разные объяснительные схемы и диагностические техники. Так, в имперском синдроме и обострении ревнивой, мстительной агрессии многое объясняется феноменом ресентимента – от Ницше и Шелера до Сергея Медведева. Однако с углублением кризиса проступает уже не только моральная деградация, но и классика психиатрии – комплекс расстройств разной этиологии. Пожалуй, более других в этом ряду бросается в глаза нарциссизм – синдром патологической, болезненной самовлюблен-

ности власти, а косвенно – и массы ее особо воодушевленных обожателей. Вместе с тем этот комплекс реализуется сложнее, чем может показаться обывателю, знакомому с легендой о Нарциссе и Эхо в изложении Овидия или Куна. Поэтому серию публикаций о прогрессирующем нарциссизме приходится начинать с общей методологии.

Травма отражения

Рефлексия и самокритика – неотъемлемые черты всякого здорового ума, даже если он коллективный и российский. Но с этим бывают проблемы, и тогда исследование ментальности и психической организации массы может приводить к заключению о расстройствах, требующих квалифицированного диагноза и лечения. Речь здесь не просто о некоторых не совсем обычных особенностях нашего коллективного сознания, психики и их изменении, но именно о болезни – о клинике в самом прямом смысле слова с типичными для нарцисса синдромами мегаломании, всемогущества и грандиозности, но одновременно и самоуничтожения, сублимации страхов, изнурительного стыда, чувства неполноценности и обделенности всем хорошим. Заканчивается все классическим влечением к смерти: режим, как и Нарцисс, убивает себя непреодолимой страстью к собственному отражению.

Подобные симптомы в политике, в поведении и самооценке режима, а также политически ангажированной массы на-

блюдаются постоянно, начиная с фиксации на идентичности, с мании всемогущества и легкого бреда величия и заканчивая яростной нетерпимостью к критике, болезненной реакцией на все, что мешает восторженному переживанию собственной грандиозной Самости. Поэтому даже загнанная в социальную резервацию, политически обессиленная и почти деморализованная оппозиция, в данный момент совершенно не опасная для режима, вызывает нестерпимый зуд подавления: даже если она ничем не грозит, она элементарно мешает жить, причем очень всерьез. Даже вовсе маргинальная критика разрушает крайне необходимые нарциссу психические защиты. Она портит безупречность отражения, а это для нарциссической личности страшная травма и рана. Влиять на отражение нарцисса – все равно что ковырять чем-то острым в его теле или царапать стекло портрета (чем собственно и занимаются всякого рода левада-центры). Это не опасно, но невыносимо, поэтому, устанавливая максимальный контроль над всем, что так или иначе связано с отражением, нарциссическая власть не столько репрессирует кого-то, сколько спасает себя – свою многократно эшелонированную психическую оборону.

Личное и общественное

Расстройства психики обычно связывают с проблемами личности. Тем не менее психическое расстройство примени-

тельно к социальной группе, массе и даже к социуму в целом – отнюдь не просто аналогия, не образ или метафорический перенос. Идея коллективного нарциссизма присутствует в психологии начиная с Фрейда; квалификация самого общества как «не вполне здорового» есть у Эриха Фромма. И сейчас «политическая психиатрия», «коллективный пациент» и пр. – реабилитируемые понятия в науке. Здесь вопрос скорее не к теории, а к ее крайне нерешительному применению к нашим реалиям, к исследованию собственного опыта и общества. Тот факт, что столь эффектный и явно напрашивающийся диагноз почти не отрабатывается и социальной наукой, и падкой на сенсации журналистикой, и даже наиболее резкими оппонентами режима, говорит о наличии здесь особых, дополнительных защит и блокировок, о всеобщем бессознательном вытеснении.

Сложности начинаются с того, что реальную степень такого расстройства (границу, за которой умеренно завышенная самооценка становится деструктивной, переходит в нарциссический бред и начинает разрушать жизнь) корректно определить не так просто – если не поддаваться соблазнам эпатажной публицистики со свойственными жанру преувеличениями. Это особенно проблемно применительно к группам и общностям: здесь «норма» сдвинута; в плане самомнения и переоценки себя народам, государствам и странам иногда прощается то, за что отдельных товарищей госпитализируют. Вместе с тем последствия злостных нарциссические рас-

стройств, например, этносов и наций могут быть по разрушительным и трагическим последствиям несравнимы с индивидуальными отклонениями, какими бы острыми они ни были.

Проблема пациента и позиция аналитика

В политической патопсихологии более, чем в обычной, обострена проблема пациента. Психиатру, даже работающему с отдельной личностью, трудно пробиться через «броню самозащиты», которой окружает себя патология (здесь подошел бы термин странноватого ученика Фрейда Вильгельма Райха – «панцирь характера»). Тем более такой контакт затруднен, а часто и невозможен в отношении массового сознания и коллективных патологий, дополнительно защищенных незримой поддержкой миллионов экзальтированных единомышленников, официальной идеологией и психотропной пропагандой, а также живым социальным и политическим интересом. Это те самые случаи, когда пациент чувствует себя здоровее всех здоровых, а попытки лечения, предъявления диагноза или хотя бы деликатного анализа собственной психики воспринимает как оскорбление и покушение на святое. Здесь сакрализировано и неприкосновенно все: начиная с вождя с его божественной харизмой и заканчивая собственным совершенством обывателя в его причастности к сборке грандиозного целого. Эти реакции

настолько трепетны, что и предельно объективную социологическую службу от страха и обиды на прямое зеркало можно объявить иностранным агентом.

В политике даже намек на деформацию сознания трактуется как вызов и лобовая атака, вследствие чего самого терапевта начинают грубо и безжалостно «лечить». В той мере, в какой подобные патологии затрагивают власть и государство, есть шанс, что больным скорее объявят самого психоаналитика. И хорошо, если такой встречный диагноз сольют ботам и используют метафорически, как политическое ругательство, а не как направление в соответствующее заведение – лечебное или исправительное. Репрессивная, карательная психиатрия – испытанное средство сдерживания несанкционированного анализа сознания больного общества.

Но и для самого аналитика здесь всегда есть собственный риск предустановки – соблазн поставить небеспристрастный диагноз пациенту, одновременно являющемуся политическим оппонентом. Такое исследование слишком удобно как средство полемики, борьбы и эмоциональной мести. Это как если бы психоаналитик и пациент в жизни делили власть, женщину или бизнес. В таких случаях рефлексия и самокритика значимы не только с точки зрения научной добросовестности, но и для обеспечения рабочего контакта: приложение теории и рабочую диагностику всегда будут сначала воспринимать как нечто из области политических вооружений, наращивая тем самым «панцирь» исследуемого со-

знания и встречную агрессию. Это и более общая проблема: критика режима со стороны всех оппозиций и их подобия вообще «не проходит» и не воспринимается как что-то могущее иметь конструктивный или хотя бы диагностический смысл. И было бы не совсем верно считать, что в этом вина только глухой власти.

Самоанализ в психиатрии – нормальная практика; здесь считается обязательным самому аналитику предварительно проработать собственные нарциссические склонности и механизмы. Это необходимо, чтобы выдерживать «нарциссические провокации» клиента, не вступая с ним в «автоматическую конкуренцию», не гнобить его «психоаналитической властью» и собственной «терапевтической грандиозностью».

В политической психиатрии даже в не самых запущенных случаях с этим еще сложнее. Срабатывает эффект «временной глухоты», как у невоспитанных собак. Если вы пишете не для удовольствия своего и единомышленников, а для общего понимания и хоть сколько-нибудь реального эффекта, надо думать и о том, что в среде пациентов вас просто не воспримут, а это непрофессионально. Поэтому приходится идти на хитрости.

Игра в теорию

Если сразу начать с живого сознания и подведения симп-

томов под неприятный диагноз, в политике такое заключение с гарантией отвергнут. В свое время в администрации президента был стандартный термин «в отбой» – так реагировали на слишком смелые по тону входящие документы независимо от их содержания.

Однако есть несколько экстравагантный, но доходчивый способ совместного анализа патологии – с позиции «любопытного дилетанта». Можно попытаться сделать обратный ход: от освоения клиентом общей симптоматики и патогенеза к осмыслению реальной клинической картины, в том числе его собственной. Идея в том, чтобы идти от метода к предмету: читать вместе с пациентом крайне увлекательную, хотя и профессиональную психиатрическую литературу, как если бы никакой привязки к реальному предмету изначально не было и не планировалось. Тактический ход: мы не ставим диагноз и даже никак не намекаем на серьезные проблемы с мозгами у современного российского общества – мы просто читаем научное описание болезни, безумно интересное само по себе (как и все «про психов»), а если вдруг такие описания оказываются похожими на что-то до боли знакомое и родное – тем хуже для болезни, но лучше для больного.

Эффект «узнавания в зеркале» может дать клиенту настолько яркое, убедительное и совершенно готовое описание его собственной патологии, что он непроизвольно и даже против воли ставит диагноз самому себе. Написано вроде бы вообще, а получается, будто специально для нас – про это

начальство, про его самомнение, Я-образ и пиар, про нашу идеологию, пропаганду, внешнюю политику, прессу, телевизор и массовую, мягко говоря, приподнятость, восходящую к экзальтации. Усвоив хоть что-то из этой популярной психиатрии, начинаешь по-другому видеть в телевизоре знакомые милые лица и по-другому слышать их гордые самооценки. Иногда такое знание помогает пациенту иначе отнестись и к самому себе, задуматься о собственных самооценках, о самомнении режима в целом.

Начальная симптоматика и развитие темы

В самом деле, даже если «без привязки» читать литературу по деструктивному или дефицитарному нарциссизму, можно даже в предельных обобщениях научной систематики обнаружить пронзительно точные описания реалий нынешнего российского политического сознания, пока кажущегося нам, возможно, излишне самодовольным и местами даже самовлюбленным, но все же не клиническим.

Вот только одно из описаний синдрома: «Грандиозное чувство самозначимости; захваченность фантазиями неограниченного успеха, власти; вера в собственную уникальность; потребность в восхищении; чувство привилегированности; эксплуатативность в межличностных отношениях; отсутствие эмпатии; зависть к достижениям других; вызывающее поведение». Добавьте дикое высокомерие и

безудержное хвастовство, имеющее мало общего с реальностью, истерическую реакцию на критику и характерные приступы ярости по отношению ко всему, что мешает нарциссической идеализации любимого образа. И сопоставьте все это с тоном и стилем самоподачи режима и его исторических достижений, с самооценкой его места в мире и в истории, с манерой без меры и вкуса украшать собственные любимые изображения всякого рода политтехнологическими бантами и рюшами. Слишком узнаваемо, чтобы комментировать, но и слишком просто, чтобы этим ограничиться. В продолжении цикла о политическом нарциссизме мы рассмотрим эту патологию в ее максимально возможной многогранности.

Прежде всего нас будет интересовать «история болезни». Самое убедительное доказательство наличия проблемы в том, что совсем не так давно этот же самый режим относился к своим незабываемым достижениям и замечательным качествам гораздо более спокойно и здраво, чем в последние годы, особенно сейчас. И, если честно, все это помнят.

Следующая задача состоит в проведении водораздела между нарциссизмом, считающимся нормальным, конструктивным и даже на определенных этапах развития обязательным, и патологией, реально затрудняющей жизнь, а потом и разрушающей ее. Злостный нарциссизм проистекает в том числе и из комплексов неполноценности и дефицита любви в раннем возрасте, что наш «новорожденный» социум в первой четверти этого века испытал сполна.

И наконец, реальные жизненные, в том числе культурные, социальные, политические и международные проблемы, которые нарциссическая патология во власти может делать фатальными и неразрешимыми. Напомню лишь, что канонический Нарцисс умер не только от страданий нереализуемой любви к собственному отражению, но и от элементарного голода. Влюбленность в собственный образ и мания производить впечатление на себя и окружающих в последнее время явно мешает стране думать о «физиологии» – о необходимости что-то производить (кроме эффектов), зарабатывать, есть и лечиться.

Как конструктивно «любить себя», не впадая при этом в злостное расстройство, – целая наука, полезная и при этом весьма увлекательная.

Источник: Политический нарциссизм в России: опыт психоанализа // Forbes, 12.09.2016. URL.

Краткая история болезни

В предыдущей статье речь шла о трудностях, связанных с автоматическим сопротивлением болезненно самовлюбленных субъектов, будь то личность, группа, социум. В таких ситуациях установление контакта с «пациентом», индивидуальным или коллективным, требует специальных усилий. Необходимо начальное согласие, способное обеспечить прогресс анализа и самоанализа. А это примерно как убедить истероидного патриота в том, что его песнь о Родине вызывает к помощи психоаналитика минимум. Роль холодного душа в таких случаях может сыграть впечатляющая, но вытесненная, забытая история расстройства – воспоминание о том, что идея собственного превосходства, грандиозности и всемогущества возникла в столь острой форме стремительно и недавно. В случаях ураганного роста самомнения клиенту иногда удастся вспомнить себя другим – гораздо скромнее и самокритичнее. В нашей ситуации для такого опыта есть основания.

Всего пять лет назад идеологический контент и дискурс власти были исполнены риторики «проблем» и «задач», суровой самокритики и трудной, хотя и яркой перспективы. Что же потом пошло не так?

Очень быстро измененное сознание

Первый шаг к рефлексии – вышеописанная «игра в теорию» – отвлеченное, абстрактное знакомство с основными симптомами и деструктивными эффектами отклонений. Это не только интересно само по себе, но и полезно всякому думающему человеку в плане понимания себя, оценки собственных манер, коррекции стиля поведения и межличностных отношений. Такой диагностический аппарат в жизни всегда полезен под рукой: он помогает «следить за собой» не только в идиоматическом, но и в прямом смысле слова. Если бы в школе вместо светской этики и не светской мистики преподавали основы динамической психопатологии, люди и общество были бы спокойнее, а страна не так блистала бы неумемной гордыней с комплексами неполноценности и жертвы. Даже простое знание такого рода симптомов ставит фильтры и корректирует оптику обозрения себя любимого. Захватывающее занятие и полезный опыт – смотреть наш телевизор с учебником психиатрии перед глазами.

Дополнительный шанс вовлечь пациента в работу над собой дает совместная с ним фиксация сильных изменений в его сознании и психике (здесь понятие «измененное сознание» работает и в прямом смысле, и в параллели с клиникой, психоделиками, воздействием веществ). Для того чтобы клиент – индивид или коллективный субъект – набрался

мужества всерьез заглянуть в себя в поисках «дна», нужен серьезный повод, а не просто приход самоназначенного психоаналитика, которого никто не звал и общение с которым приятного не сулит.

С политическим нарциссом диалог возможен в той мере, в какой пациент в политике не вполне представляет собой личностно нерушимый монолит и при достаточных усилиях может отделиться от увязшего в комплексах, но все еще боготворимого кумира, движения или режима, с которым он себя связывает и отождествляет.

Естественно, мешают инерции и коллективные защиты. В то же время в политике нарцисс не просто обожает себя, но обожает себя в образе лидера, движения, героической страны, особо выдающейся нации или расы. Даже минимальная дистанция позволяет занять несколько более критическую позицию, а затем выделить расстройство, отодвинуть его и исследовать симптомы уже не на себе, а в психической организации «идеала».

Поскольку истовая любовь при смене курса или режима может легко и быстро переходить в не менее страстную ненависть, всегда остается не совсем призрачная надежда сформировать в пациенте хоть какой-то зазор для критической оценки нарциссической связи. Чаше это удастся, когда объект обожания оказывается не только трагичен, но и смешон; с нарциссами такое бывает, не минует чаша сия и это величие.

Таким образом, поводом для самоанализа становится резкий перелом в сознании клиента, который он может отследить и не может отрицать. Если человек себя сегодняшнего воспринимает как безупречную норму (обычная для нарцисса ситуация), встряхивающим событием может стать обнаружение, что совсем недавно он как норму воспринимал в себе другое, если не прямо противоположное. Проще говоря, при обвальных изменениях сознания и психики пациент может признать себя здоровым сегодня, только если признает, что был не вполне нормален вчера.

Еще один великий перелом

В ситуации с нашим режимом такое вытесненное «вчера» – рубеж 2010–2011 годов. Чтобы оценить весь драматизм слома психики, который идеология и сознание власти и общества пережили у нас за последнее время, достаточно вспомнить, с каким коллективным субъектом мы имели дело всего несколько лет назад – до обратной рокировки во власти и разворота публичной идеологии от модернизации к традиции, от прагматизма к скрепам, от интеграции в мир к резкому обособлению себя в нем.

Если уподобить социум личности и признать за ним право на характер, придется согласиться, что в нашем случае это был субъект:

– в целом почти рациональный, способный воспринимать

доводы и хоть как-то просчитывать последствия своих действий, ближайшие и отдаленные;

– сравнительно уравновешенный и психически стабильный, не чуждый шизоидности, истероидности и экстатических порывов, но все же не до такой степени, как сейчас;

– в меру самокритичный, способный воспринимать неприятную информацию о положении дел, о своих качествах и ресурсах, более-менее адекватно оценивая собственное тревожное положение, свои качества и перспективы.

Последнее важно, поскольку указывает на вход в нарциссическую патологию.

Всего пять лет назад идеологический контент и дискурс власти были исполнены риторики «проблем» и «задач», суровой самокритики и трудной, хотя и яркой перспективы. Начав с необходимости преодоления технологического отставания, уже давно ставшего критичным, с опасной зависимости от экспорта сырья и импорта товаров и технологий, официальная самооценка на высшем уровне зафиксировала тупиковый характер сырьевой модели и необходимость радикальной смены вектора развития. Также были зафиксированы сложности и фатальный характер такого перехода: балласт «некомпетентной коррумпированной бюрократии» и угроза «самому существованию страны».

Вот один из базовых фрагментов:

«Несмотря на отдельные успехи последних лет [...], нам пока не удалось уйти от инерционного

энергосырьевого сценария [...]. И сейчас [...] мы пока лишь фрагментарно занимаемся модернизацией экономики. И это неизбежно ведет к росту зависимости России от импорта товаров и технологий, к закреплению за нами роли сырьевого придатка мировой экономики, а в дальнейшем может повлечь за собой отставание от ведущих экономик мира, вытеснение нашей страны из числа мировых лидеров. Следуя этому сценарию, мы [...] не сможем обеспечить ни безопасность страны, ни ее нормального развития, подвергнем угрозе само ее существование, говорю это без всякого преувеличения» (В. Путин, февраль 2008).

В сентябре 2009 года Д. Медведев в программной статье «Россия, вперед!» удерживает ту же тональность: «Должны ли мы и дальше тащить в наше будущее примитивную сырьевую экономику, хроническую коррупцию, застарелую привычку полагаться в решении проблем на государство [...]. Двадцать лет бурных преобразований так и не избавили нашу страну от унижительной сырьевой зависимости [...]. Отечественный бизнес за малым исключением не изобретает, не создает нужные людям вещи и технологии. Торгуется тем, что сделано не им, – сырьем либо импортными товарами». И далее целый набор болезней: «неэффективная экономика», «полусоветская социальная сфера», «неокрепшая демократия», «вековая экономическая отсталость», «вековая коррупция», «патерналистские настроения», «безынициативность, дефицит новых идей, нерешенные вопросы,

низкое качество общественной дискуссии, в том числе, и критических выступлений».

В этих жестких, жестоких самооценках семилетней давности пока нет комплекса неполноценности: они даны на фоне недавних выдающихся свершений и демонстрации уверенности в будущем прогрессе. Здесь пока почти нет сочетания агрессии и виктимности, нападения и жертвы. В своих бедах виноваты мы сами, а уверенность в возможности их преодоления не выглядит гипертрофированной и крикливой.

Сейчас все эти сентенции выглядели бы отпетой крамолой в исполнении пятой колонны иностранных агентов. Вместе с тем по уму они и теперь воспринимаются как вполне здравые, тогда как нынешнее всероссийское самомнение выглядит на этом фоне, мягко говоря, не вполне адекватным и уже явно запущенным.

Праздник, который всегда

Здесь важно даже не столько содержание самокритики, сколько сам факт ее наличия и тон самооценки. Если сравнить его с тональностью нынешней официальной риторики и массовых настроений, то коллективный субъект, которого мы потеряли по историческим меркам буквально вчера, окажется образцом адекватности, рации и вменяемости, способности оценивать себя и ситуацию, не поддаваясь воздействию травм и комплексов, соблазнам «психического убежи-

ща». Нарцисс здесь формировался давно, но именно формировался, не господствовал.

Теперь в официальном дискурсе и массовом самомнении следы рефлексии и самокритики стремительно исчезают, зато в изобилии видны признаки неадекватно завышенной самооценки с типичными элементами патологической влюбленности в собственное изображение.

Это проявляется не только в риторике официальных текстов, но и в общей эстетике и эмоциональном настроении искусственно формируемого событийного ряда, которым режим оформляет свой «мгновенный автопортрет». Достаточно просканировать нынешнее телевидение (а именно оно во многом формирует сейчас образ происходящего в стране и мире), чтобы обнаружить ненормальное, нездоровое сгущение всякого рода празднеств – фестивалей и гала-концертов с фейерверками и салютами, спортивных состязаний и парадов, помпезных открытий объектов и презентаций мегапроектов неизменно исторического масштаба, разного рода приемов, награждений и всяких прочих торжеств и увеселений, не говоря уже о нагромождении архитектурно-декоративных излишеств в городе и на дачах. Не страна, а увеселительное заведение в бантах и рюшах.

Проще всего отнести это на счет отвлекающих маневров, смягчающих впечатление от деградации экономики, политики, социальной сферы и культуры, от внешнеполитических провалов, скрываемых под баннером «Мы всех нагну-

ли!». Однако есть в этом и скрытое стремление украсить собственный обожаемый, незабвенный образ всеми возможными красотами и элементами декора. Не случайно во всех этих «праздниках для народа» и «подарках населению» нет самооценности, в них неизменно торчит лик власти, вписывающей себя в картину зашкаливающего, бьющего через край благополучия в качестве главного и единственного источника счастья. В этом есть политтехнологический расчет, но и самоутешение с самоудовлетворением, психология технического манипулятора, но и самовлюбленного нарцисса. Поскольку все в этой системе власти держится на рейтингах запредельной «легитимности», ей необходимо производить эффекты и вызывать любовь – но ей и безумно нравится всем этим заниматься. И даже если вдруг проблема пиара технически отпадет, эта власть вряд ли слезет с экранов телевизоров и вряд ли уйдет из декоративно-оптимистической зоны новостных сообщений. Помимо внешней целесообразности в этом мелькании на экранах в атмосфере грандиозности и всемогущества есть и сильнейшая внутренняя потребность самоутверждения и изживания комплексов.

Сейчас сентенции пятилетней давности от этого же официоза (причем от первых лиц) выглядят верхом злопыхательства и очернительства. Но можно поставить и обратный мысленный эксперимент: представить себе, как воспринималось бы нынешнее самолюбование режима из того времени, когда все процветало, а до модернизации экономики и об-

щества дело не доходило, лишь поскольку силы тратились на стерилизацию нефтегазовых доходов. Очень похоже на обратно-пропорциональную зависимость.

Чем лучше и стабильнее положение, тем рациональнее и самокритичнее позиция власти. И наоборот, чем хуже ситуация и мрачнее перспективы, тем громче туш и веселее жить, тем больше потребность режима в культе собственного отражения, в требовании всеобщего обожания или хотя бы внимания.

Можно провалить все, но нельзя выпасть из информационной повестки. Политика, особенно внешняя, вершится, глядя в мониторы с собственным любимым имиджем.

Можно было бы сразу диагностировать все это как сложившийся нарциссизм с эффектами деструктивной организации, однако прежде чем разбирать собственно патологию, необходимо понимать и держать в поле зрения примерные границы нормы, чему и будет посвящен последующий анализ проблемы.

Источник: Политический нарциссизм в России: краткая история болезни // Forbes, 19.09.2016. URL.

Границы нормы

В предыдущих статьях цикла речь шла о сложностях работы с социальным нарциссом. Коллективное расстройство оставляет человеку шанс отсоединиться, распознав нарцисса уже не в себе, а в объекте отождествления, будь то вождь, власть или сплоченная масса. Когда клиент не столько влюблен в себя (чаще это как раз комплекс неполноценности), сколько заходитя от участия в грандиозности и всемогуществе политического целого, это целое в иных обстоятельствах можно и возненавидеть – примеров много, в том числе у нас. Но есть и то, что затрудняет разрыв с общностью, помогая политическим сборкам удерживать потенциальных отступников. И даже при выраженных симптомах диагноз неочевиден: норма здесь постоянно «плывет», а тот же самый нарциссизм в других дозах и ситуациях оказывается полезным.

Между характером и клиникой

Синдром нарцисса – ценная тема: видя отклонения в политике, человек лучше понимает и себя в жизни – свои установки, маленькие комплексы, отношения с другими – с близкими, с коллегами и начальством, с властью и страной, с другими этносами и народами. Разговор о власти в данном слу-

чае это еще и зеркало для отдельных героев – сеанс терапии и бесплатная диспансеризация.

Но войти в такой диалог трудно. Нарциссы вообще крайне агрессивны по отношению к анализу. Чтобы не ломать и без того хрупкий контакт с пациентом, необходимо предельно аккуратно отграничивать психопатологию как таковую от завихрений характера в рамках нормы. Иначе вас будут регулярно уличать в нездоровом стремлении увидеть клинику в обычном своеобразии характера (пусть несколько утрированном). Для политики это особенно критично, поскольку норма здесь сдвинута, реакции обострены, а патологии настолько привычны, что как таковые не распознаются.

Разоряющая страну власть-нарцисс отнюдь не теряет связи с реальностью массового сознания. Она вполне достигает желаемых результатов, поддерживая массовые аффекты

В расхожем смысле слово «нарцисс» обозначает не диагноз, а всего лишь намек на странность, которая может быть объяснимой (в искусстве и науке) либо неприятной (в политике и жизни), но не более. Чаше это всего лишь дежурное острословие; так человека в быту легко называют «шизиком», вовсе не имея в виду, что он и в самом деле всерьез болен шизофренией.

Кроме того, нарциссы даже в пограничном состоянии не то же, что психопаты и сумасшедшие (хотя в антисоциальном синдроме они могут впадать в дикую агрессию и

ярость, не говоря о злопамятной мстительности, что в политике часто до времени скрыто, но страшнее по последствиям). Нарциссизм как отдельный недуг был включен в DSM (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders) далеко не сразу. В первой версии DSM-V (2013 г.) нарциссическое расстройство личности и вовсе было исключено из классификации, но затем его все же восстановили.

Чтобы не выглядеть злопыхателем и плохим стилистом, трактующим буквально собственные метафоры и гиперболы, надо учитывать: а) возрастной нарциссизм, оправданный и даже необходимый на ранних этапах становления личности; б) нарциссизм конструктивный, позволяющий добиться большего, нежели с «нормальной» психикой. В нашей политике такие критерии «конструктивности» решительно сбивы, и то, что для сиюминутных интересов власти может выглядеть конструктивным, для страны часто оборачивается губительным торжеством самомнения и фиксации на имидже. Здесь взрослые люди (идеологи с бредом величия, комментаторы с нездоровыми конспирологическими фантазиями, авторы диких законов и пр.) с позиций обычного здравого смысла выглядят как типичные «ненормальные», но в плане их собственных политических, статусных и материальных интересов оказываются вполне рациональными и расчетливыми. Играть психа при губернаторе не совсем то же, что реально тронуться, хотя затягивает.

И наоборот: осмысленное и стратегически ответственное

поведение в нашей политике все чаще воспринимается как героика помешанных. Новая формула: честно, но политически нерационально (см. последние выборы). Как сказал поэт, здесь быть здоровым некрасиво.

Необходим также набор критериев, отделяющих умеренные, терпимые девиации от расстройств, реально разрушающих жизнь и личность («злокачественный нарциссизм» по Отто Кернбергу). Тем более это важно в коллективной психопатологии. В нашей политике не так просто понять, где особый «стиль», порожденный обстоятельствами личностными и организационными, перерождается в разрушительную патологию с провалами в коммуникации и жизнеобеспечении, вплоть до сакраментального влечения к смерти.

Нарциссизм переходный и конструктивный

Сразу перепрыгнем через возрастной нарциссизм, свойственный ранним этапам индивидуальной психоэволюции: о нем позже и специально. Отметим лишь, что в политике подобную стадию проходят неоднократно: социум, режим, а с ними и само общество время от времени, особенно после революционных встрясок, «вновь рождаются», едва ли не с нуля осваивая мир и себя в нем. Здесь повышенная сосредоточенность на себе нормальна и даже необходима: взрослым людям, как и детям, приходится с чистого листа решать проблемы самоидентификации и адаптации. Россия начала

1990-х годов в категорию таких «рождений заново во взрослом состоянии» как раз и попадает. Нынешний нарциссизм российских элит и масс во многом объясняется этим «трудным детством», обделенным любовью, признанием и самоуважением.

Известно, что в меру трепетное чувство, которое индивид испытывает к себе, не вызывает опасений и даже играет позитивную роль. В динамической психиатрии этот эффект описывают так: «Личность с конструктивным нарциссизмом характеризуется адекватно высокой самооценкой, чувством собственного достоинства, высокой самодостаточностью, здоровым честолюбием, открытостью, способностью наслаждаться полнотой жизни [...] и получать ощущение радости от растущих возможностей самореализации; умением искренне прощать ошибки и промахи себе и другим». Из поведенческих характеристик можно добавить эмоциональную и духовную зрелость, уверенность в себе и самоконтроль, способность находить интуитивные решения, действуя самостоятельно и ответственно, не поддаваясь внешнему давлению и попыткам манипуляции. Отмечают также реализм самовосприятия, терпимость к собственным слабостям и недостаткам других. Все эти замечательные качества конструктивный нарциссизм усиливает в сравнении с «нормой».

Показательно также известное распределение выдающихся нарциссов по разным поприщам. Конструктивные ближе к творчеству: Ницше, Дали, Борхес. Иначе в политике:

Нерон, Иван Грозный, Робеспьер, Муссолини и Гитлер, Ким Чен Ир, Пол Пот и Иди Амин, Мугабе, Менгисту Хайле Мариам, Тан Шве, Омар аль-Башир, Мобуту, Хусейн, Каддафи... И принял он смерть от имиджа своего.

Принято считать, что авторитаризм и диктатура нарциссичны по природе: они и подпитаны самовлюбленностью, и культивируют ее. Со временем единоличная власть лишь обостряет исходное расстройство, и противостоят этому лишь поистине выдающиеся люди.

Деструктивное и злокачественное

Деструктивный нарциссизм по свойствам зеркален конструктивному: грандиозная переоценка собственной важности, всемогущественные потуги и иллюзии; гипертрофированные представления о своих способностях и фантомы гениальности, фантазии безграничного успеха, влияния, блеска; маниакальная вера в свою избранность и уникальность, потребность в демонстративном признании и восхищении. В отношении к другим это грубо потребительские стратегии с неспособностью к эмпатии, игнорирование чувств и интересов окружающих, проявления гордого невежества, надменности, пренебрежительности. Мания мешает реальным достижениям (например, в карьере и личной жизни или в экономике, знании и технологиях), портит отношения с людьми (а также с другими странами и с мировым сообществом). От-

дельная статья – дикие растраты на «картинку», на постановки триумфа и театрализованного обожания. Император Бокасса ухлопал половину бюджета страны на свою коронацию, в ходе которой он восседал на троне из чистого золота в короне и мантии, скопированных с коронации Наполеона. У нас все не столь помпезно и не так безвкусно, зато на порядки дороже.

Возможны и более жесткие ситуации. Синдрому злокачественного нарциссизма, объединяющему нарциссические и антисоциальные расстройства, свойственна сильная параноидная ориентация, эгосинтонная агрессия (соотнесенность исключительно со своими собственными стандартами при грубом игнорировании всего остального), садизм, направленный против окружающих или выражающийся в специфическом типе «торжествующего самоповреждения» вплоть до попыток суицида. В выраженных случаях это прослеживается в нарциссической ярости (причем одновременно в официальной политике и в настроениях агрессивно-самодовольный массы, готовой растерзать мирных и почти безобидных «либералов», неправильных режиссеров, фотографов и кураторов выставок вместе с экспонатами). Грандиозное Я на пустом месте и мелкое всемогущество (офицеры России с мочой наперевес) – тема острая и жизненная, но для отдельного анализа.

Гибридные эффекты

Если в индивидуальных случаях раскладка между нормой и патологией, а также между конструктивным и деструктивным в целом понятна, то в коллективном и политическом нарциссизме все сложнее и совсем не однозначно. Здесь это скорее объемная матрица, в каждой из ячеек которой нет прямого ответа на целый ряд вопросов: кто именно является носителем наблюдаемой по симптомам патологии; как в этой видимости сочетаются реальные расстройства и сухой политический расчет; по каким критериям и с чьих позиций надо оценивать эти аффекты как конструктивные или деструктивные, тем более злокачественные? Здесь все перепутано, и расстройство часто локализовано совсем не там, где кажется.

Проще всего с нарциссизмом политизированной массы, одновременно и расположенной к нарциссическому расстройству всей травмирующей биографией последних десятилетий и лет, и искусственно разогретой целенаправленной пропагандой последнего времени. Чистая провокация восстания ничтожеств, ни на что свое не способных, но упивающихся ролью диктаторов морали, вкуса и правильного знания. Но уже во власти вся эта симптоматика может вовсе ничего не отражать: здесь «строить образ» можно, вовсе в него не входя, даже если разыгрывается угодный массе грандиозный нарцисс или почти мнимая, но опасная ненормаль-

ность, заставляющая другие страны вести себя более корректно – с поправкой на риск эксцессов и рецидивов (почти как с КНДР).

В этом отношении и сама власть крайне неоднородна. Если для одних это расчет на психотропное воздействие, то для других – реальные дефекты их собственной психики и фантомы сознания. Под одной и той же внешне нарциссической оболочкой во власти могут уживаться и искренние нарциссы, ненормальные патриоты и маньяки величия, и унылые фаталисты, видящие эту страну издавна пропащей, вновь опозоренной, разоренной, навеки обреченной тащиться в «колее». В этом плане могут разительно отличаться «башни Кремля», кланы и группы влияния, силовики и тактики, на все готовые ястребы и знающие наш истинный потенциал реалисты. Даже внутри этих групп есть весьма разные люди: функционеры во власти могут одновременно и пребывать в ужасе от происходящего, и поддерживать политику авантюрной гордыни с почти мистической верой в везучесть руководства.

Не менее сложна двойственность в оппозиции конструктивное – деконструктивное. Считается, что нарцисс уходит в мир самовлюбленных фантазий, теряя при этом связь с реальностью, эмпатию и коммуникацию, саму способность к действию. Все это может иметь место, но при этом не исключать конструктивности в иных смыслах и в другом целеполагании. Разоряющая страну власть-нарцисс отнюдь не те-

ряет связи с реальностью массового сознания, ею же почти до предела заведенного. С этим сознанием она легко коммуницирует и входит в подобие эмпатии. Наконец, не покидая потока иллюзий и разрушая реальность, она, тем не менее, вполне достигает желаемых результатов, поддерживая элитные и массовые аффекты и рейтинги, обеспечивающие воспроизводство господства. С точки зрения политики, основанной на эмоциях и предубеждениях, язык не поворачивается назвать этот нарциссизм деконструктивным. Скорее наоборот, приходится отказывать в текущей политической конструктивности как раз позициям ответственным и реалистичным, с чувством «земли».

Подобный комплекс раскрыт в финальной фразе из замечательной книги о правлении Майдзи: «Японский этнонарциссизм не был пассивным, он привел в действие громадные людские массы, которые убивали друг друга, которые умирали, считая свою смерть достойным вкладом в общенациональное дело. Возразить на это было нечего, потому что любая страна, в конечном итоге, уникальна. И заставить ее потерять свою уникальность еще труднее, чем приобрести ее».

У нас пока почти не убивают друг друга, но зато убивают экономику и социальную сферу, технологии, науку, культуру, сознание. И на эту «уникальность» есть что возразить.

Источник: Политический нарциссизм в России: границы нормы // Forbes, 27.09.2016. URL.

Трудное детство

Из предыдущих статей о нарциссах в быту и политике видно, что данное явление в целом сильно недооценивают. Обычно полагают, что это, во-первых, лишь дефект, во-вторых, не слишком распространенный, и, в-третьих, безобидный, если не комичный. В реальности же тихим нарциссом в той или иной мере является едва ли не каждый первый, что очень окрашивает коммуникацию и отношения. Что же касается резко деструктивных и злокачественных форм расстройства, то они могут приводить к фатальным поражениям личности, психики и самой жизни, вплоть до умышленных самоповреждений, влечения к смерти и суицида, причем как в приватной сфере, так и в социально-политической (саморазрушение и гибель режимов). И наконец, не менее, чем собственно заболевание, значимы позитивные свойства умеренного нарцисса: конструктивные (питающие энергетику действительно выдающейся самореализации) и возрастные, связанные с начальными и ранними этапами становления личности. Все эти эффекты тесно взаимосвязаны: нарциссическая неудовлетворенность в младенчестве и детстве приводит к соответствующим расстройствам в юности и в зрелом возрасте, а недостаток конструктивного нарциссизма зрелого лица порождает комплексы неполноценности, питающие нарциссизм уже злокачественный. В

патопсихологии политики эти биографические травмы проявляются еще более сложно, иногда скандально, даже трагически. Как говорили когда-то физтеховцы, «чревато бомбом».

Первичное и вторичное

В изложении Дж. Холмса, автора книги со скромным названием «Нарциссизм», «Фрейдом выделялся первичный нарциссизм, естественная стадия развития, имеющая место в раннем младенчестве [...], и регрессивный вторичный нарциссизм, когда индивид в качестве первичного объекта любви выбирает себя, а не кого-либо еще». Позднее идея первичного нарциссизма как безобъектного и существующего до формирования эго была оспорена, что, впрочем, никак не отменяет важности начального состояния, в котором «младенец наслаждается материнской заботой и нежностью и охвачен блаженным чувством любви и бытия любимым». И наоборот: нарушения такого состояния являются причиной расстройств в дальнейшем, в том числе крайне болезненных и опасных. Все это имеет прямое отношение к социальным и политическим субъектам и объектам, имеющим свойство время от времени переживать «рождение заново», а с ним и все драмы первооткрытия себя, внешнего мира и себя в нем.

В одном сериале несчастную героиню злодеи

сводили с ума звонками с повторяющейся фразой: «Тебя никто не любит». С российским обществом 1990-х было нечто подобное

В данном случае проще принять концепцию создателя селф-психологии Хайнца Кохута, согласно которой формирование нормального здорового нарциссизма является совершенно отдельным и необходимым процессом, являющимся залогом успеха в жизни. Соответственно, феномен вторичного нарциссизма Кохут рассматривает как следствие нарушения естественного процесса нарциссического созревания. Больные нарциссы часто формируются из тех, кто в нужном возрасте не смог или не имел возможности побыть нарциссом здоровым и счастливым.

В политике нарциссические расстройства могут иметь и другие причины, здесь же мы говорим только об эволюционной драме, вовсе не исчерпывающей проблемы. Тем не менее возрастные, эволюционные аспекты нарциссического развития особенно важны в ситуациях «политической смерти-рождения», когда умирают и вновь появляются на свет режимы, когда перерождаются или сменяются политические поколения (как это было, например, в России на рубеже 1980-1990-х годов). Поэтому когда вдруг сталкиваешься с выраженным и запущенным нарциссом в политике (лидером или частью целого поколения), логично думать о том, чего они недополучили или, наоборот, «переели» в более раннем политическом (и не только политическом) возрасте. Речь не

столько о конкретных фигурантах (хотя и о них тоже), сколько о нарциссизме коллективном и массовом, поражающем большие группы, фрагменты масс и элит, сами политические системы, даже без особых оговорок уподобляющиеся в этом смысле отдельным индивидам с тяжелыми комплексами и отклонениями.

Эта эволюция не совсем линейна. Только появившись на свет, младенец испытывает тепло и заботу, видит свет обожания в глазах матери и «понимает», что раз на него так смотрят, значит он и в самом деле чудесен. Чуть позже он расширяет себя на мать, превращая ее в селф-объект и «думая»: она чудесна, я рядом с ней, значит я тоже чудесен. В политике, может быть, важно, кто именно играет в таких ситуациях роль «родителей», но куда важнее, что целые поколения и социальные группы могут проходить стадии подобной младенческой эйфории – а могут и не проходить или проходить крайне недостаточно по силе и глубине ощущений и по времени, что потом сублимируется в комплексах и девиациях. При этом совершенно не важно, что мы имеем дело с взрослыми людьми: политическая психология поколения и нового режима может быть в этом смысле вполне младенческой.

В свою очередь и эти ранние этапы ограничены по времени, хотя и в разной степени для разных субъектов. В дальнейшем развитие самосознания и множественные столкновения с реальностью постепенно умеряют инфантильную «грандиозность», «всемогущество», детский или почти детский экс-

гибиционизм. Должны умерять. Кохут называет это «оптимальной фрустрацией». При нарушении данного процесса разворачиваются целые комплексы взаимосвязанных нарушений. Избалованный ребенок, не переживший оптимальной фрустрации, сохраняет избыток нарциссизма. По этой же причине ему не хватает реальных навыков, что мешает реализации в жизни и вынуждает чувствовать себя неполноценным. Но излишне фрустрирующий опыт также ведет к сохранению фантазий о всемогуществе. Таким образом, в обоих случаях мы получаем деструктивного нарцисса, хотя и с разной этиологией и разными оттенками. Нечто подобное почти без особых изменений можно обнаружить в развитии политического сознания и психики.

В обычной патопсихологии все это детально и убедительно описано. Если же следовать методу «игры в теорию», предложенному в самом начале данной серии, то достаточно оглянуться, скажем, на три десятилетия назад, чтобы увидеть в нашей новейшей политической истории примерно те же биографические драмы и их следствия. Но, как утверждалось выше, для поддержания психоаналитического контакта с нарциссом лучше, чтобы он приходил к таким выводам самостоятельно.

Пожилые младенцы

Подобные казусы в политической биографии страны и в

самом деле приходят на ум сами, однако здесь есть и принципиальные отличия, которые полезно сначала разобрать в общем виде.

В обычной жизни ребенок появляется на свет один раз, воспринимает этот свет как более или менее к нему расположенный тоже почти однозначно и, наконец, делает все это «с чистого листа» (если, конечно, не увлекаться идеями генетической памяти, якобы контролирующей психику). Иначе с политическим субъектом: перерождаясь (рождаясь заново), он умирает в своем прежнем качестве, но лишь в некотором смысле и лишь отчасти. Это как если бы младенец появлялся на свет одновременно и с детской чистотой мировосприятия, но и с грузом памяти и психического развития «своего» нелегкого прошлого. Или как если бы эмбрион развивался уже в утробе под влиянием психических восторгов и травм «прошлой жизни». Можно от души смеяться над разработками в области spiritual science, точно рассчитывающими вклад прошлых жизней в личностные свойства человека (прошлые 1000 жизней – 49 %, последние 7 жизней – 49 %, настоящая жизнь – 2 %). Однако в политическом сознании индивидов и сообществ нечто подобное реально происходит, причем даже не метафорически, а почти буквально. «Рождаясь заново» политически, субъект, сообщество или режим испытывают все психологические потребности начального развития, в том числе нарциссического, однако при этом сохраняют многое, если не все, из предыдущего политическо-

го опыта, из связанной с этим опытом психологии и груза переживаний.

Если взять в качестве пациента то политическое, которое возникло в России с началом 1990-х годов, то окажется, что здесь на психологию «почти беззащитного младенца», нуждающегося в любви (в том числе в любви к себе), накладывается психология «ушедшего» зрелого человека, а то и вовсе старца, нагруженного массой застарелых комплексов и расстройств. Необычное явление: уязвимое младенчество с врожденными комплексами недавней геронтологии. Происходившее в российской политике в конце 1980-х – начале 1990-х годов не зря иногда описывали в качестве «агонии, усугубленной неправильными трудовыми схватками» (А. Ксан). В этом плане также показательно само заглавие одной весьма основательной книги: «История России: конец или новое начало?»

В этот же монструозный комплекс включается и нарциссическая биография, срабатывающая «из затакта». Этому политическому младенцу предстоит заново пройти путь освоения себя и мира, а также первичной социализации, но при этом он формируется одновременно и с чистого листа, и заново воспроизводя и перерабатывая все страдания нарциссизма и рессентимента советского периода, имперского прошлого и т. д. Младенец требует и чистого самоопределения в любви, но и компенсации уязвленной гордыни все еще живущего в нем старца.

Сожительство нарциссов

Политика, с которой мы идентифицируем 1990-е годы, легко проецируется на биографию «новорожденного» постсоветского социума. Потом все резко разделилось, но на начальном этапе там был момент сильной консолидации общества, позволяющий в первом приближении говорить о политическом целом, которое и оказалось в состоянии политического младенчества и начальной самоидентификации.

Проблемы с обретением идентичности – разговор особый. Если уподобить эту задачу заполнению обычной анкеты – «объективки», то окажется, что наше общество (страна) как тогда, так и до сих пор не может нормально заполнить большинства таких граф, начиная с самых банальных: имя, место и время рождения, родители (отцы-основатели) и т. д., включая поощрения и взыскания, награды и судимости, не говоря об основных фактах автобиографии (см.: *Рубцов А. Российская идентичность и вызов модернизации. М., 2009*). Уже одно это – достаточный повод для фрустраций, на почве которых и возникают компенсаторные нарциссические отклонения.

Однако в данном случае можно с уверенностью констатировать также вопиющий «дефицит любви», не говоря об элементарном уважении и признании. В одном из детективных сериалов несчастную героиню, и без того слегка тро-

нутую актерской профессией, злодеи окончательно сводили с ума звонками с навязчиво повторяемой фразой: «Тебя никто не любит». С российским обществом 1990-х было нечто подобное. Если вспомнить типовые сюжеты, дискурс и тон социально-политической идентификации того времени, то мы обнаружим, во-первых, зубодробительную критику и уничижительную оценку всего происходящего, самой системы и всего социума со стороны оппозиции, а во-вторых – полную неспособность (и нежелание) новой власти и поддерживавшего ее интеллектуального сообщества нормально обращаться с этим «новорожденным» сознанием, понимать его слабую защищенность, естественные «детские» и недетские потребности адаптации. Общий эмоциональный фон того времени воспринимается сейчас как тотальный демотиватор. Говорящие головы (причем не только от оппозиции) будто компенсировали годы и десятилетия униженного молчания, а потому в отношении и нового режима, и всего происходящего «оттягивались в полный рост», соревнуясь в резкости оценок и формулировок. Сейчас полезно вспомнить, что термины «фашизм», «оккупационный режим», «государственный бандитизм» и пр., включая «иностранных наемников», изначально появились в нашей политической лексике применительно не к нынешней Украине, а к режиму Ельцина, причем на ранней стадии, почти сразу. Можно по-разному оценивать восприятие этой ситуации во власти и в политике реформаторов с их условной, почти иносказатель-

ной субъектностью, но можно со всеми основаниями предположить, как все это явно и подспудно давило на психику населения.

Отдельная тема: утрата статуса сверхдержавы и унижение страны, вызванное в том числе покровительственной помощью Запада, причем не столько в реальной ее тональности, сколько тем, как эта ситуация подавалась в безответных интерпретациях всех видов оппозиции. Все, что было направлено против Горбачева и Ельцина, рикошетом било по психике обывателей, в том числе и не самых политизированных. Если следовать схемам патопсихологии, подросток с таким детством впоследствии неминуемо должен был стать в той или иной степени нарциссом, скорее всего злокачественным, особенно если сама по себе нарциссическая власть начинает впоследствии нещадно эксплуатировать комплексы массы, связанные с недополученной любовью, родительским вниманием и поощрением, как это происходит с нашей пропагандой последнего времени. В таких ситуациях затравленный гадкий утенок и должен превращаться не в лебедя, а в патологически самодовольное, самовлюбленное, агрессивно-эгоистическое животное.

Важно также, что политическое существо с такой предрасположенностью попадает сейчас в ситуацию встречи еще двух нарциссов: с одной стороны, неизжитой идеологической и политической самовлюбленности советского периода (лидер мирового прогресса, будущее человечества и т. п.)

с просто хрестоматийными комплексами грандиозности и всемогущества, а с другой – благоприобретенного зашкаливающего нарциссизма нынешнего правления, технично растравливающего подобные комплексы в себе и в психике растравленной, перевозбужденной массы.

Здесь обнаруживается немыслимое сочетание практически всех мотивов и видов и нарциссического отклонения, включая деконструктивные и дефицитарные, а также злокачественные, причем идущие от разных источников и от разных времен. Это самый сложный сросток, и он требует отдельного анализа.

Источник: Политический нарциссизм в России: трудное детство // Forbes, 06.10.2016. URL.

Триумф пустоты

Предыдущие статьи о политических нарциссах показали гораздо большую, чем принято думать, распространенность данного явления, плотность и глубину его влияния на политику. Если же наряду с деструктивными и злокачественными учитывать также «нормальные» формы нарциссизма, то он и вовсе начинает казаться вездесущим. Отсюда соблазн объяснять эффектом нарцисса все подряд, включая явления, для понимания которых достаточно обычной целесообразности и технологии. Чтобы не превращать нарциссизм в универсальный, всеобъясняющий принцип, важно ограничивать такого рода диагностику от обычного эгоизма, саморекламы и культа, от идейного фанатизма и одержимости властью, от рядовой непереносимости критики и конкуренции. Для понимания таких различий важно даже не то, что есть в нарциссизме особенно, а то, чего в нем нет, но отсутствие чего как раз и делает нарцисса явлением отдельным и неповторимым. Отсюда тема пустоты «триумфа» в отклоняющейся политической (и не только) самовлюбленности, в этой мелочной грандиозности и бессильном всемогуществе болезненно гипертрофированного Я. «Фальшивка, потрясающая своим величием».

Но сначала подробнее о смысле разграничения.

Ботаник с гитарой (дифференциальная диагностика)

Психология – вообще та отрасль знания, которая с редкой силой влечет к себе народ из других, часто даже не смежных профессий. Особенно этим грешат дрейфующие в гуманитаристику натуралисты и технари, видящие в психологии удобную пересадку на пути из физиков в лирики: эта наука поначалу и издалека кажется им тоже совсем «точной» и «естественной». Но даже когда психологическими концептами увлекаются люди из родственных дисциплин, включая социально-политическую философию, часто слишком виден пафос мечтательных неофитов: копать без спроса в потемках чужой души, извлекая на свет тайные комплексы и мотивы, всегда более романтично и менее уязвимо, чем возиться с рационализацией бессубъектных машин, где все сухо и строго. Да и вообще «психологизация», «психологизм» – явления в истории наук о человеке и обществе совсем не новые, регулярно возникающие и критикуемые, заново преодолеваемые. Энтузиазм понятен, но требует, чтобы его осаживали.

В отличие от советского периода, смысл нынешней борьбы за «российское влияние» сводится к уровню и тону переговоров: как мы с ними разговариваем – и как они позволяют себе

Рефлексия и самокритика здесь тем более уместны, что философия нарциссизма часто сама нарциссична и легко генерирует сверхмощные обобщения, приписывая свойства нарцисса эпохе, цивилизации и культуре, модерну и пост-современности. О «веке нарциссизма» пишет Джерольд М. Пост в книге «Narcissism and Politics. Dreams of Glory»: если убрать из политики деятелей с выраженной симптоматикой, их ряды «угрожающе поредеют». Сама идея изъять категорию нарциссических расстройств личности (NPD) из реестра DSM-V (Diagnostic and Statistical Manual of mental disorders) была мотивирована большой распространенностью «умеренных нарциссов» (в США их доля, по ориентировочным оценкам, превышает 10 % от всего населения). По данным того же автора, число студентов с признаками нарциссической личности выросло в два раза быстрее за пять лет от 2002 по 2007 год в сравнении с периодом с 1982 по 2006 год. Говорят о восходе «Generation Me» (Jean M. Twenge), связывая его в том числе с формированием «поколения Facebook» и других социальных медиа, но даже эта тема не слишком далеко увела бы нас от политики и социальности. Нарциссизм в широком смысле утверждается как «новое нормальное».

В политике сложнее. Считается, что эффектом нарцисса с элементами патологии отмечены всякие режимы, склонные к авторитаризму, диктатуре и тирании, особенно садистской.

Нарциссизм, как и выраженная шизоидность, – характерная черта харизмы и харизматиков. Нарциссичны большие социальные сборки и идеологии – групповые, например профессиональные или классовые, партийные и государственные, национально-этнические, наконец расовые. Втягивание в коллективную самовлюбленность – нормальная составляющая всякой вербовки сторонников на идейно-эмоциональной почве.

Однако здесь мы опять натываемся на границу, отделяющую естественный и конструктивный нарциссизм от патологии. При этом важно не только количество проявлений, но и «качество наполнения» – само содержание порыва самовлюбленной души.

В мифе о Нарциссе и Эхо симпатичный юноша наказан смертельной влюбленностью не просто в себя, но именно в свое отражение. Зеркало здесь не технический момент, всего лишь позволяющий лицезреть себя (типовой нарцисс Павел Астахов сказал бы здесь: «Ну что, умылся?»). Нарциссизм «субъективно идеалистичен» уже тем, что субъект фиксирован именно на отражении – имидж, эфирная картинка, символический статус, просто впечатление и «впечатление второго порядка» (впечатление от впечатления). Нарциссу в конечном счете важно не то, как его реально оценивают, а как выглядит это чужое восприятие, как он сам это чужое восприятие воспринимает. Вы можете меня презирать и ненавидеть, но мне важно лишь, чтобы я сам мог убедить себя

в вашем восхищении и обожании. С этой точки зрения даже фальсификация выборов лишь отчасти нужна для утверждения подавляющей, «выбывающей» легитимности; не менее важен самообман кривого зеркала, честно переживаемая иллюзия безумной популярности и сумасшедшей поддержки. Даже если нарцисс все понимает про рейтинги и расклады, это ничто в сравнении с наркотическим наслаждением прелестями упаковки с имитацией электорального оргазма.

Дядя Петя, ты дурак?

В фильме «Сережа» ребенок по-взрослому реагирует на обманку в конфетной обертке. Массовое сознание легко покупается на такие шутки, более того, оно не хочет и просто боится развернуть обертку, а потому продолжает с умилением на лице послушно сосать фантик. Этим эмоциональным солипсизмом нарцисс как раз и отличается от обычного эгоиста, сколь угодно патологического. Эгоист преследует цели, нарцисс – отношение. Можно даже сказать: эгоист преследует реальные цели, нарцисс – нереальные отношения. Эгоист добивается своего в жизни – нарцисс тоже добивается своего, но в самомнении, тогда как реальная жизнь этим уходом в самолюбование неотвратимо разрушается. Отсюда сопряженное с нарциссизмом влечение к смерти, о котором упоминалось выше и будет далее, если доживем.

Все это в общем виде. В реальной идеологии и политике

формируется особого рода тактика пустышки. Вековая мудрость народа гласит: пустая банка громче гремит. Но есть и обратная связь: грохот опустошает.

Если продолжить описанную ранее «игру в теорию с переходом на личности», легко увидеть, глядя на наши реалии, как, например, реализуются концепты национального, государственного «интереса» в нарциссической идеологии и политике – что здесь ставят во главу угла, а какими жизненными потребностями страны, общества и государства легко жертвуют ради возлюбленного отражения.

То же с «влиянием» и «мощью», когда боевая раскраска и победный клич важнее реальных успехов и самой боеспособности (когда «театр военных действий» в первую очередь именно театр, без кавычек, буквально).

В социальной политике выполнение реальных обязательств также разменивают на подыгрывание гипертрофированному коллективному самомнению – и большинство размен принимает. Фиксация на ценностях величия нации смиряет с обесцениванием национальной валюты, доходов и накоплений, личного достоинства, здоровья и самой жизни.

Те же проблемы с самобытными ценностями, которые поднимают Россию на недосягаемую другим народам высоту, но которые никто не может сформулировать так, чтобы это не выглядело карикатурой на живую мораль и установки населения, тем более элит.

Древняя притча «Вам шашечки или ехать?» – это в том

числе о смысловой пустоте: об идеологии без идей, об аксиологии без ценностей и о культурной политике без культуры. А также о психологии самодовольной нищеты. Таксист машину пропил, и остались лишь «шашечки», зато много.

Страна и мир: уважение, интерес, влияние

Один из ключевых штампов новой российской идеологии – «влияние страны в мире». В обычных ситуациях влияние прямо или косвенно конвертируется в национальный (государственный) интерес: влияют не ради самого влияния, но ради чего-то практически значимого. Это не отменяет пассионарности и национальной гордыни, однако всегда остается вопрос меры. Чаще пафос и гордыня нужны, чтобы мобилизовать массу на борьбу за интерес. «Патология» зашкаливает там и тогда, где и когда сутью активности становится удовлетворение гордыни, в то время как «реальный» интерес непоправимо страдает.

Слова «патология» и «реальный» здесь неслучайно взяты в кавычки. Идеократия, например, ничуть не менее правомерна, чем режимы шкурного интереса и функциональной рациональности – просто в ней другая «норма». И она всегда нарциссична: здесь положено любить Идею в себе, а не себя в Идее (хотя в жизни чаще наоборот). Но есть здесь и асимметрия. В СССР был тактический принцип: формулировка «это вопрос политический» оправдывала любой эконо-

номический абсурд и организационную дичь. Но в стратегии предполагалось, что новый строй победит также и в экономике, не говоря о рациональном знании и технологиях. Уже побеждает! Отсюда спутник, Белка, Стрелка и целый питомник космонавтов. Интеллектуально-духовное влияние в мире достигалось не только идеей справедливости, но и практическим оптимизмом, верой, что производительные силы уже завтра польются полным потоком и зальют всех по потребностям.

Смысл нынешней борьбы за «российское влияние» резко редуцирован и сводится в основном к уровню и тону переговоров. Влияние в чистой риторике: как мы с ними разговариваем – и как они позволяют себе разговаривать с нами. Даже не с нами, а с нашим вождем и его уполномоченными, коих всего-то один-два.

Пропаганда внедряет в народ идею с красивой аллитерацией «Обама чмо», а потом та же самая пропаганда с упоением в бою вещает, как два лидера встретились в кулуарах саммита и беседовали час (!) вместо 20 минут. Доминирующая символика: кто куда и к кому приехал, по чьей инициативе состоялся телефонный разговор. В более общем виде: с кем страна в лице вождя «разговаривает на равных». Проблемы начинаются, когда ради символического и более чем условного «влияния» жертвуют влиянием реальным. И интересами, вполне понятными и считающимися в терминах прямых потерь и упущенной выгоды.

Страна как распластанный богатырь с булавой, у которого атрофируется органический функционал: экономика, технологии, знание и культура, системы жизнеобеспечения. «Тело без органов» (Делез и Гваттари в буквальном смысле). Еще удастся как-то потрясать доспехами. СССР не только пугал, но и реально влиял на ситуацию в мире, в том числе идеями на экспорт – всей твердостью своей «мягкой силы». Всемогущество нынешней России больше в ее собственном воспаленном воображении, а остатки влияния поддерживаются экспортом нефти и страха – больше предложить нечего.

Высшие ценности

Нарцисс «идеален», только пока он идеалистичен, а потому нуждается в особой политической онтологии. Прагматика и расчет резко спускают на землю, а на земле нарциссы не живут.

Модернизацию, инновации и экономику знания с человеческим капиталом можно замерить и исчислить. В итоге все равно Счетная палата приходит в Сколково. В этом плане у духовности, скреп, идентичности, традиции, морали и совести есть неоспоримое преимущество: они бестелесны и не поддаются калькуляции. Эти ценности ничего не стоят, ибо бесценны, а значит, их можно продавать за так и даже с наваром для себя (политическим и не только). Но это огромная цена для страны, бросающей дела и впрягающейся в од-

ну работу – гордиться собой в прошлом и начальством в настоящем без надежд на будущее, хотя бы мифических.

Все эти новые, неведомые народу слова отдают смысловым вакуумом. У нас проблем с идентичностью больше, чем у других (*Рубцов А.* Российская идентичность и вызов модернизации. М., 2009), однако именно мы призваны, как никто, хранить свою идентичность и гордиться ею без объяснений, какая она и что это вообще такое.

Похожие провалы с ценностями. Первое сочинение Минкульта про основы культурной политики помимо странных идей отметилось сплошным негативом. В этой «апофатической культурологии» было все на отрицании: Россия не Европа (не Азия, не Запад, не Восток); традиционные ценности – это когда Ярославна не мастурбирует на шесте за кокс; государственная политика – это когда чиновник сам пресекает «вредное» и отказывает в финансировании «малополезному».

Чуть позже была попытка дать списком сами эти традиционные ценности: «правдивость, законопослушание, любовь к Родине, бескорыстие, неприятие насилия, воровства, клеветы и зависти, семейные ценности, целомудрие, добросердечие и милосердие, верность слову, почитание старших, уважение честного труда». Такие оральные кодексы всегда напоминают рваный набор благочестивых банальностей, не нуждающихся в визировании сверху. Но у нас это не проходит ни как слепок реальной истории, ни как нормативная

модель. Тем не менее объявлено, что именно нынешняя, актуальная Россия, что называется, «во плоти», уже превосходит весь остальной падший мир во главе с Западом по части духовности и морали. Если авторы этого прејскуранта нематериальных ценностей хотели пародировать нарциссизм новой идеологии во всей его вызывающей грандиозности и подавляющем других великолепии, то да, но не более.

Источник: Политический нарциссизм в России: триумф пустоты // Forbes, 17.10.2016. URL.

Восстание низа

В предыдущей статье цикла речь шла о пустоте нарциссического триумфа. Восхищение и зависть удивленных народов, небывалая мощь и рост влияния в мире, редкостное моральное превосходство – все это существует лишь в зеркале иступленного самолюбования. Типичные симптомы мегаломании с бредом «грандиозной, всемогущественной Самости». Если не заворачивать себя симуляцией побед, остается лишь опасливое отторжение там и фатальные потери здесь, причем не только в экономике, технологиях и реальном положении в мире, но также в состоянии мозгов и морали.

Породе поклонников свойственно потенциальное безразличие. Когда кумира свергают или хотя бы лишают ореола, они быстро меняют предмет глубокого чувства

Расстройства в сознании элит и масс часто связаны с социальной дифференциацией и вертикальной мобильностью. Ницше говорил о «восстании рабов», Ортега – о «восстании масс». У нас тоже явно что-то такое восстало...

Жертвы неполноценности. Циклы

Травмы детства, когда формируется естественный для этого возраста «нарциссический пузырь» с преувеличенным значением оценки и самооценки – классика возрастной психопатологии. Ребенка могут избыточно хвалить и поощрять за успехи или, наоборот, чрезмерно наказывать за неудачи разными приемами воспитательной обструкции – осуждением или невниманием. Так формируется самооценка «Я – хороший» с нормальным или завышенным инстинктом успеха – либо задатки комплекса неполноценности, порождающего особо несчастных нарциссов.

Далее все зависит, во-первых, от умеренности мер воспитания со стороны родителей и окружения, а во-вторых, от соответствия или несоответствия обстоятельств жизни и реальных способностей личности уже закрепленным нормам признания. Крайние случаи: легкомысленный гений («Ты, Моцарт, Бог, и сам того не знаешь») либо, наоборот, посредственность с безбожно задранными представлениями о себе. Как поступают с гениями, известно; хуже, когда «заурядные души, не обманываясь насчет собственной заурядности, безбоязненно утверждают свое право на нее и навязывают ее всем и всюду» (Хосе Ортега-и-Гассет). Никакого яда не хватит.

Ранее (в статье про «наше трудное детство») речь шла о

революционных сломах, когда социум политически рождается заново, в остальном оставаясь взрослым или дряхлым. В этом плане новорожденное постсоветское общество получило от жизни достаточно, чтобы адвокаты и психиатры оправдывали его расстройства тяжелой наследственностью и влиянием среды (когда-то великий Плевако одним образом «жертвы обстоятельств» выигрывал процессы с неоспоримым обвинением).

Но такое же рождение заново с муками и трудами взросления бывает и в индивидуальных биографиях. Что-то очень резкое происходит с призванием и работой, в любви, в отношениях с партнерами, друзьями, близкими – и хорошо проживший человек вдруг запускает новый раунд самоидентификации и самооценки. В этом смысле «детские» травмы в течение взрослой жизни можно переживать неоднократно, всякий раз получая новые мотивы для саморазвития или, наоборот, для обиженной деградации. Человек оказывается в ситуации «взрослого новорожденного», которому вновь предстоит пережить счастливое или трудное детство со всеми последствиями для перестроения психики. В такой акцентуации комплексы неполноценности могут либо вскрываться, выходя из латентной фазы, либо получать совсем новые травмирующие импульсы для формирования будущего полноценного нарцисса.

В политических хрониках «обратные билеты до детства» вполне обычны. Режимы и социумы легко впадают в нарцис-

сическое младенчество от старческой деменции.

Истории обществ с хроническими отклонениями могут и вовсе описываться циклами повторяющихся переходов старческих комплексов в детские и наоборот. Распространенный случай – переход из старой политической модели в новую. Дряхлеющий социум впадает в детство, перерождается со всеми положенными в таких ситуациях «нарциссическими пузырями», а затем либо нормально взрослеет, либо через два-три десятилетия снова впадает в старческий маразм с обострением эгоизма, нетерпимости и болезненной фиксации на отношении к себе. «Это состояние (раннего маразма. – Forbes) отмечается нежеланием меняться. Человек придерживается одного образа жизни и превращается в ригидного, негибкого; начинает проявлять нетерпимость к инакомыслящим. У таких людей возникает ностальгия по ушедшему, несмотря на то, что оно было убогим».

В приведенном фрагменте все банально, кроме одного: это из работы по возрастной психиатрии или про политическую реальность «за окном»?

Соискатели и виртуозы

Бред величия с болезненной реакцией на критику в наших условиях наблюдается в хорошо узнаваемых, хотя и очень разных типажах. Внешне нарциссы схожи, но в этиологии, течении и лечении расстройств здесь часто вовсе ничего об-

щего.

В политике различия настолько глубоки, что формируют встречные потоки. Нарциссы «всплывающего» типа поднимаются на поверхность снизу, компенсируя личное убожество интимной связью с блистательным великолепием целого – военным, историческим, духовным. Представители «топнущего» разряда, наоборот, вполне осмысленно и расчетливо занырявают в упадочный нарциссизм за деньгами, положением и славой, симулируя общее расстройство, но в приватном общении весело и зло заушая «весь этот бред и кич».

Выставочные образцы таких типажей наблюдаются в разных средах – на телевидении и в парламенте, на премьерах и вернисажах. Они опознаются по сравнительно легким (или тяжелым) формам нарциссических расстройств с осложнениями клинического морализма.

План «восстания серости» отработан веками, описан в хрониках и в классической литературе: чем ничтожнее адепт сам по себе, тем ослепительней образ великой и вечной славы, глашатаем которой он назначает себя по зову большого сердца и велению мелких комплексов.

У нас это приобретает черты явления. Продвижение наверх провоцирует посредственность на суетливое и явно лишнее, скандальное самовыражение. Соратники спешно постановляют «ограничить публичную активность» пациента, но страна

уже радостно обсуждает, что Суворов сказал Чацкому у

Лермонтова. Точно так же до этого она обсуждала, на каком языке народы читали Писание, что сталинская прокуратура выяснила про заметку «Красной звезды» о 28 панфиловцах, какими подвигами отличились князь Владимир и царь Иван IV Грозный. Особенно доставляет, когда дело ведут фигуры ренессансного типа: диссертации, книги, основы концепций, фильмы, монументы и очень много интервью. Завершает комплекс self made особо методичное оформление собственных достижений не менее скандальными дипломами и мантиями.

Все это уже стало массовым поветрием, прямо девальвирующим цеховые процедуры инициации и признания, а косвенно – институты науки, искусства, культуры. И дискредитирующим саму власть – особенно когда нарциссизм второго эшелона затмевает высшее звено, откровенно используя наше общее руководство в своих личных целях.

Лучшие образцы возбуждают низовую активность: серое начинает выползать из всех щелей. Антропология новой идейности показывает, что особо знойные ревнители идеалов часто либо просто убоги, либо измучены завышенными претензиями. Борьба за чистоту всего выстраивает психические защиты и компенсации; люди упиваются высокой, хотя и самопровозглашенной миссией, не в силах скрыть, насколько они в этом подвижничестве сами от себя без ума.

И это не спрятать: упоение публичностью сквозит в самой форме такого самовыражения, в эстетике и характере

действия. Тень нарцисса маячит во всех резонансных акциях защиты традиционных ценностей, общественной морали и религиозных чувств. Независимо от истинных переживаний, которые можно и нужно уважать, сами жанровые формы и приемы постановки подчеркивают во всем этом акционизме не гнев и муку, а гипертрофированный катарсис – счастливое самолюбование участников представления (иначе были бы иные драматургия и режиссура, костюмерия и бутафория). Подача себя здесь всегда продуманна и эстетична, как в психической атаке каппелевцев из «Чапаева».

Мизансцену перед фотовыставкой надо было специально спроектировать: «однообразная красивость» офицерского строя на фоне серой, рыхлой толпы эффектно выделяется ярким маскировочным камуфляжем. Борцов с детской порнографией в художественных экспозициях вынуждают демонстрировать редкую склонность к взрослому эксгибиционизму, но уже в политической эротике: обычно люди так не заголяются со своими интимными переживаниями при виде совершенно эстетских изображений.

Строго говоря, вся секта «моралистов последнего дня» – скромные эпигоны концептуальной эстетики Pussy Riot, «Войны» и «Ленинграда», всего арт-акционизма от Отто Мюля до Олега Кулика. Элементы нарциссизма вообще свойственны концептуальному и contemporary – перформансу, хэппенингу, инсталляции, особенно если они вандальные, с обливанием людей и порчей ценного имущества.

Здесь слита воедино вся мега-культурная традиция смешения верха и низа, от Средневековья до постмодерна, от карнавала до прикола, от Рабле и Бахтина до Вениамина Ерофеева и Михаила Ефремова. Проблема лишь в том, что в настоящей культуре эта традиция всегда была неформальной и нонконформистской, заточенной против официоза. Когда же профанное начинает обслуживать сакральное, получается санкционированное, упивающееся безнаказанностью и весьма самодовольное хамство.

Кадры решают всех

Психоанализ высшего звена лучше оставить экспертам: есть непредсказуемые риски. Назовешь человека Богом – а припомнят маленькую трагедию и привлекут за экстремизм с террором. Но уже этажом ниже, в творческой, интеллектуальной элите, обслуживающей комплексы вождей и массы, помимо меркантилизма видны мотивы решения проблем, связанных с самореализацией, с попытками уйти от ложно понятой несостоятельности.

Лучшие представители «тонущего» типажа – работники СМИ (легкие, а иногда и крайне тяжелые формы нарциссизма считаются в этой сфере профессиональным заболеванием). Но здесь открывается и второй слой: беззаветное служение верой и неправдой заставляет делать вид, что ты тоже инфицирован общей манией. Типовой случай: бывшая

звезда эфира, страдая от своего нарциссизма, ущемленного в профессии, подписывается обслуживать чужой нарциссизм в политике, зверски его презирая и ненавидя. Такое раздвоение личности чревато обострениями, поэтому эфирные нарциссы особенно часто впадают в истерику и грубость (образцовое проявление «нарциссической ярости»). Причем делается это именно в отношении наиболее разумных и сдержанных оппонентов, живым укором разрушающих ведущему образ совершенного себя.

Это уже близко к серии: плеяда ранее известных телеведущих решается ради эфира опуститься в человеческом плане, чтобы приподняться «в профессии». Когда в топовых каналах в качестве звезд начали продвигаться образцы недоразвитости, уже было встречное движение – сверху вниз. Сейчас это одна порода, хотя и с разными путями в мастерство. Из ниоткуда в круги света и далее входят девушки с проблемами, но аналогичные позиции после тяжелых раздумий занимают люди, ранее известные и ничуть не менее способные, как выясняется, на все.

Субстанция, в которой всплывающие и ныряющие встречаются, со временем становится гомогенной и не тонет.

Ряды особо лояльных экспертов в политике, экономике, социологии, войне и мире также густо разбавлены посредственностью с признаками графомании и завышенной веры в себя. Но и здесь есть встречный поток: чтобы войти в экспертную обойму, людям с остатками репутации приходится

жертвовать ею вполне. Тест на лояльность включает проверку готовности выйти с чем-то настолько несусветным, чтобы серьезные люди уже точно не смогли воспринимать тебя всерьез, перестали здороваться и начали обходить. Старые «бесы» вязали кровью, новые вяжут гротеском глупости и лжи. Хотя и здесь бывают изыски: в свое время главврач РФ настолько без затей запрещал продукты неблагонадежных стран, что этот стиль скорее напоминал утонченный троллинг.

Близкие процессы были запущены в комплектации номенклатуры. Всего один корявый пассаж про московские митинги и свердловские танки мог разом переместить из цеха в полпреды. Лучшими доказательствами лояльности стали жесты не просто людоедские, но именно бессовестные, грубо попирающие мораль и смысл. Умелая придурковатость в политическом гареме вознаграждается отдельно, поскольку обращена к идолу как свидетельство приносимой ему личной жертвы. Тем самым наложница как бы говорит: после таких извращений я уже никому не буду нужна, кроме тебя, любимый.

Подобные схемы не надо абсолютизировать. В них вообще крайне сложно переплетены функционал и психика. В практике странных назначений трудно развести цели суверена и нарцисса – строгий рациональный расчет в расстановке номенклатуры и нарциссический «жест всемогущества», не раз описанный в анналах царствований и кадровой политики во-

ждей. Зашкаливающий треш пропаганды также демонстрирует, с одной стороны, готовность на все, а с другой – особое понимание вкуса целевой аудитории, близкое к дебилизму понимаемых и понимающих. Во всех этих случаях видны следы особой разновидностью нарциссизма, располагающегося выше добра и зла – комплекса полноценности.

Революция пожирает...

Ортега сказал: «Меньшинство – это совокупность лиц, выделенных особыми качествами; масса – не выделенных ничем». Соответственно, есть два вида нарциссов: таланты и поклонники. Одни фиксированы на собственной уникальности, реальной или спорной. Другие носят со своим кумиром, но влюблены не столько в него, сколько в собственную влюбленность в обожаемый идеал (как у Jane Air – «любить любовь»).

Типаж самодостаточного нарцисса известен и описан. Например, так: «Проникнутый тщеславием, он обладал сверх того еще особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках, – следствие чувства превосходства, быть может, мнимого» (*tire d'une lettre particuliere*). Отсюда, кстати, многие высочайшие оговорки.

Породе поклонников, как ни парадоксально, также свойственно потенциальное безразличие. Когда кумира свергают

или хотя бы лишают ореола, они быстро меняют предмет глубокого чувства. Только так зависимый нарцисс может быть спасен от гибели всерьез и заново удовлетворен обожанием кого-то, в первую очередь – себя обожающего. Это к вопросу о значении и судьбе рейтингов.

Сейчас проблема в том, что ставка сделана не просто на толпу, но на массу поклонников-нарциссов, тоже озабоченных утешением в славе и самореализацией. Отсюда столько неуправляемых инициатив, уязвляющих своим безумием уже и само руководство. Масса взращивает сублидеров, начинает жить своей волей – и эту новую жизнь так просто не остановить.

Джинна выпустили из бутылки и назад его не затолкать. Но он с удовольствием полезет в другую бутылку.

Значит, предстоит смена самой емкости. Как обычно.

Источник: Политический нарциссизм в России: восстание низа // Forbes, 09.11.2016. URL.

Очень нечеловеческие отношения

В предыдущей статье данного цикла эпидемия коллективного нарциссизма связывалась с известными феноменами «восстания рабов» (Нищие) и «восстания масс» (Ортега-и-Гассет). И хотя в известных ситуациях нарциссизм бывает эволюционно оправданным и даже творчески конструктивным, все же как расстройство он связан скорее с переживанием неполноценности и машинами компенсации. Это уже немало говорит о качестве человеческого материала, из которого монтируется нарциссический комплекс в политике и социуме, – упоенный собой, безразличный ко всему и ко всем нарцисс коллектива, сообщества, группы, массы, режима, этноса, нации. Отсюда особого рода этика и социальные стратегии нарциссического субъекта, для которого другие люди, да и весь мир, не более чем фон и зеркало восторженного самолюбования, свита и инструмент. Непростые социальные, коммуникативные черты индивидуального нарцисса в коллективном и политическом нарциссизме проявляются в еще более выраженных формах, иногда утрированных, а то и вовсе злокачественных.

Публичность и одиночество

Обычно считается, что нарцисс – персонаж несомненно

экстравертный, ориентированный вовне и на других. Это так, но с оговорками. Есть концепции, в которых различаются нарциссы «напыщенные» и «ранимые» (об этом, в частности, пишет в «Independent» соавтор популярной книги «Эпидемия нарциссизма» профессор Университета Джорджии W. Keith Campbell). Для описания политического нарциссизма в России подобное различие кажется особенно принципиальным.

Нарциссу вообще необходимо зеркало, но наша политика ищет не столько блеска собственного отражения как такового, сколько вымещения своей грандиозности и могущества на других. Это как если бы Нарцисс из античной легенды не просто умирал от любви к собственному отражению в ручье, но бегал по окрестностям и приставал ко всем подряд с разными глупостями, требуя внимания и ответной реакции, неважно какой.

«Напыщенные» нарциссы общительны и экстравертны. Таковы политические харизматики, особо неверные супруги, жаждущие внимания знаменитости и прочие жертвы завышенной самооценки и страсти к ее воплощению «в материале». Эмоциональный диагноз (в лучшем случае) – обаяние без теплоты, разрушители сердец.

«Ранимые» нарциссы страдают от сложного симбиоза завышенного самомнения и заниженной самооценки. Они полагают, что заслуживают величия, славы или как минимум

особого отношения к себе, но подавленная низкая самооценка сковывает их потенциальную экстравертность. Ранимый нарцисс скорее склонен к обиженной замкнутости. Образец такого типажа по Кэмпбелл – взрослый человек, который живет в доме матери, смотрит телешоу типа «x factor» и думает, что тоже мог бы прославиться, но из-за неуверенности в себе, вместо того чтобы идти на пробы, становится банальным интернет-троллем.

Кстати, политические тролли и боты, загаживающие информационную среду за деньги или по велению души, с большой вероятностью тоже относятся к закомплексованным нарциссам, упивающимся резкостью своих окололитературных испражнений и тем облегченным изяществом, с каким эти ничтожества своими бесчисленными комментариями «обламывают», как им кажется, лучшие умы и перья страны. Классический «синдром Моськи» (Иван А. Крылов).

С этой точки зрения экстравертность нынешнего российского режима может вызывать спектр эмоций, от неумного восторга до презрения и опаски. На первый взгляд, здесь доминирует комплекс «переживания себя» – собственной самодостаточной грандиозности и силы. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что эти претензии и оценки ориентированы большей частью на реакцию извне, со стороны других. Нарциссу вообще необходимо зеркало, но наша политика ищет не столько блеска собственного отражения как такового, сколько вымещения своей грандиозности

и могущества на других. Это как если бы Нарцисс из античной легенды не просто умирал от любви к собственному отражению в ручье, но бегал по окрестностям и приставал ко всем подряд с разными глупостями, требующими внимания и ответной реакции, неважно какой.

«Мы им показали!» – классическая формула такой самореализации в быту воспроизводится буквально. Если в официальной риторике хватает ума это не слишком афишировать, то в телевизионной пропаганде (а она и есть сублимированная квинтэссенция правящей идеологии) данная форма самооценки проявлена в полной мере. При этом не так важно, чего и сколько мы в действительности «им напоказывали», – гораздо важнее фиксация тех сугубо внешних знаков, которые доказывают (или якобы доказывают) наличие на той стороне действительно сильной реакции на наши выступления. Если бы Россия, даже вообще ничего не сделав, вызвала бы во внешнем мире бурную реакцию, такая экономия ресурса была бы лишь еще большим доказательством ее немыслимой грандиозности и непревзойденного всемогущества (что называется «одним своим видом»).

Однако еще более значимым является тот факт, что в рассматриваемой схеме отношений кроме этой чужой, внешней реакции мы ничего не можем показать самим себе. Формула «Мы доказали себе!» в нашей схеме без «них» вообще не работает. Если для чистоты эксперимента попытаться условно элиминировать внешний мир, от новейших достижений

страны ничего не остается. Наше «вставание с колен» выражается исключительно во внешних сношениях (или в сношении внутренней оппозиции, которая в этой системе координат уже тоже практически внешняя – «иностранная»). В собственной жизни мы не встаем, а лишь нащупываем дно, каждый раз новое – в экономике, в социальной сфере, в культуре, знании, технологиях. Такого рода «устрашающее величие» ничего кроме устрашения с собой не несет и немыслимо без других, на которых оно, собственно, и выполняется.

Выдающийся случай деструктивной экстравертности. Такой нарцисс одновременно и страдает, и наслаждается потребностью показывать себя другим, пусть даже ценой самоунижения и самоуничтожения. Не имея на заслуженное внимание достаточных оснований и ресурсов, он со своим внутренним и внешнеполитическим эксгибиционизмом часто нарываясь на реакцию, подобную той, что описана в анекдоте про лифт: «Яйца забыла купить». Но зато в собственных эмоциях часто нет предела восторгу от симптомов вызванного тобой страха – даже если к тебе относятся как к буйному, которого пока удастся умиротворять домашними средствами, без перевозки и санитаров.

В обычной жизни такого рода нарцисс обречен на одиночество (если не считать отдельных несчастных, которые в силу тех или иных причин, родственных или дружеских, его терпят и жалеют). Но в политике это проявляется более жестко и чревато изоляцией. Имеется в виду изоляция даже

не столько формально-дипломатическая, сколько моральная и эмоциональная. Это трагедия всякого напыщенного, экстравертного самолюбования: оно не может без других, ибо они и есть зеркало с его отражением, но окружающим людям и странам свойственно отстраняться от всякой не в меру навязчивой самодемонстрации.

Ненадежность, зыбкость такого «отражения в других» приводит к метаниям в самооценке нарцисса. Иллюзии грандиозности сменяются мучительным переживанием собственного ничтожества. Это может быть свойством больших циклов в биографии страны и народа, измученного бесконечными чередованиями взлетов и падений, поражений и побед, переживаниями то эпохального величия, то исторической обреченности, а может проявляться в индивидуальной судьбе. В пределе эти полярности сходятся: в каждом триумфе остается привкус недавнего поражения и мука самореабилитации, натужного и очень целенаправленного доказательства, что ты не... (далее на выбор).

В самом общем виде нарцисс и есть «человек доказывающий», причем делающий это навязчиво и агрессивно. Когда это чувствуют, героя начинают невольно сторониться и участники мирового «концерта», и даже недавние друзья – еще вчера лояльные соседи по бывшему Союзу ССР, а теперь по «ближнему зарубежью». Новые друзья с востока здесь мало что компенсируют, поскольку известны еще более циничным и корыстным прагматизмом в отношении к партнерам,

особенно к «неверным», при полном небрежении остатками западной нормативности – правилами общения и принципами отношений. В таких случаях иногда лучше не говорить, кто твой друг, чтобы тебе не сказали, кто ты.

Одиночество – удел великих, особенно когда они на собственном величии повернуты.

Эмпатия и безразличие

Считается, что классический нарцисс относится к другим исключительно как к средству и начисто лишен эмпатии – способности с пониманием и сочувствием «поставить себя на место другого». Это так, но необходимо учитывать, что нарцисс обладает и повышенной предрасположенностью к самоэмпатии – удивительной, непревзойденной способностью «ставить себя на свое место», «входить в свое положение» и тем самым обеспечивать самому себе оправдание любых своих действий. Даже в самых отвратительных поступках нарцисса нет ничего, к чему он не смог бы «отнестись с пониманием», что не смог бы объяснить, а потом и развернуть в свою пользу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.